

ISSN 2619-1229

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
TURKOLOGICAL STUDIES

Том 6, № 4
Vol. 6, No. 4

2023

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023, том 6, № 4

ISSN 2619-1229 (Print)

07.00.00 Исторические науки и археология
07.00.15 История международных отношений и внешней политики
10.00.00. Филологические науки

Журнал «Тюркологические исследования» (*Turkological Studies*) международный рецензируемый периодический журнал, освещающий научные достижения в различных направлениях тюркологических исследований. Материалы в журнале публикуются на русском, английском, турецком и татарском языках. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018 (печатное СМИ, журнал).

Зарегистрировано в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN 2619-1229 (Print).

Издаётся с 2018 года. Периодичность – 4 выпуска в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Фахрутдинов Раиль Равилович

ИЗДАТЕЛЬ:

Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес: ул. Кремлёвская, 10/15, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111.

Тел.: +7 (843) 221-33-21.

ПАРТНЁРЫ

Институт международных отношений КФУ.

Адрес: ул. Пушкина, д. 1/55, каб. 312, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008.

Вебсайт: <https://kpfu.ru/imoiv>

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Вебсайт: <http://turkological-studies.ru/ru/>

Email: turkologstudies@gmail.com

Индекс подписки: 64982. Каталог НТИ ОАО «Агентство “РОСПЕЧАТЬ”».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Фахрутдинов Раиль Равилович – доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

ШЕФ-РЕДАКТОР

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хабибуллина Эльмира Камилевна – председатель редакционной коллегии, кандидат филологических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Гаркавец Александр Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Казахский научно-исследовательский институт культуры, г. Нур-Султан, Казахстан

Гилязов Искандер Аязович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан.

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), профессор, Университет Мармара, г. Стамбул, Турция

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Сафарян Александр Виленович – кандидат исторических наук, профессор, Ереванский государственный университет, Армения

Ситдинов Айрат Габитович – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Ильяс Топсакал – доктор, профессор, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, профессор Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Хайати Девели – доктор, профессор, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор, Назарбаев университет, г. Нур-Султан, Казахстан

Ярмакеев Искандер Энгелевич – доктор педагогических наук, профессор, Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Абзалов Ленар Фиргатович – ответственный секретарь, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Фахрутдинова Анастасия Викторовна – научный редактор, доктор педагогических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Витоль Евгений Владимирович – ответственный за выпуск, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

TURKOLOGICAL STUDIES

2023. Vol. 6, No. 4

ISSN 2619-1229 (Print)

07.00.00 Historical sciences
07.00.15 History of international relations and foreign policy
10.00.00 Philological Sciences

“Turkological Studies” – the Journal international peer-reviewed periodical journal covering scientific achievements in various areas of Turkic research. Materials in the journal are published in Russian, English, Turkish and Tatar. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

PUBLICATION INFORMATION

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications and Information Technology and mass communications. Registration certificate PI No. FS 77–73017 dated 06/06/2018 (print media, magazine).

Registered with the National ISSN Agency of the Russian Federation, ISSN number: **2619-1229** (Print).

Published since 2018 with a frequency of 4 issues per year.

FOUNDER

Rail Fahrutdinov

PUBLISHER

Autonomous non-profit organization «Institute of Cultural Heritage».

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Tel.: +7 (843) 221-33-21.

PARTNERS

Institute of International Relations KFU.

Address: 1/55, Pushkin str., off. 312, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Website: <https://kpfu.ru/imoiv>

EDITORIAL

Address: 3, M. Mezhlauk str, off. 117, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Website: <http://turkological-studies.ru>

Email: turkologstudies@gmail.com

CHIEF EDITOR

Rail R. Fakhrutdinov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS

Ramil R. Khairutdinov – Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Elmira K. Khabibullina – chairman of the editorial board, Ph.D (Philol.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Airat G. Sitdikov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Radif R. Zamaletdinov – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication KFU, Kazan, Russian Federation

Iskander E. Yarmakeev – Ph. D habil. (Ped.), Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication KFU, Kazan, Russian Federation

Uli Schamiloglu – Ph. D (Hist.), Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan

Iskander A. Gilyazov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Tatar encyclopedia and regional studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Ilnur M. Mirgaleev – Ph. D (Hist.), Institute of History Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Vadim V. Trepavlov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ilya V. Zaytsev – Ph. D habil. (Hist.), Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander N. Garkavets – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Kazakh research Institute of culture, Nur-Sultan, Kazakhstan

Alexander V. Safaryan – Ph. D (Hist.), Professor, Yerevan state University, Yerevan, Armenia

Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Ilyas Kemaloglu – Ph.D (Hist.), professor, Department of History, Marmara University, Istanbul, Turkey

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

Lenar F. Abzalov – **Executive secretary**, Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Anastasia V. Fahrutdinova – Scientific editor, Ph. D habil. (Pedag.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Evgeniy V. Vitol – Responsible for the release, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	7
Имамов Т.Г. Вклад Чарльза Гальперина в дело изучения истории Золотой Орды	7
Сафиулова А.Ф. Внутреннее убранство татарского жилища в трудах отечественных исследователей второй половины XIX – начала XX вв.	18
Фахрутдинов Б.Р. Перспективы и задачи исследования проблем этногенеза татар Поволжья и Приуралья	30
Аллабердин В.В. Некоторые аспекты деятельности представителей тюрко-татарской эмиграции в Турции работах российских и турецких исследователей	37
Нафиков И.З., Асроров М.М. Современные информационные технологии как инструмент преподавания турецкого языка: международный опыт и инновационные решения	44
НАСЛЕДИЕ	52
Фахрутдинов Р.Р. Татары в Пугачёвском движении	52

C O N T E N T S

ARTICLES	7
Imamov T.G. Charles Halperin’s Contribution to the Study of the History of the Golden Horde.....	7
Safulova A.F. The Interior of the Tatar Dwelling in the Works of Russian Researchers of the Second Half of the 19 th Century to the Early 20 th Century	18
Fakhrutdinov B.R. Prospects and Objectives of the Study of the Problems of Ethnogenesis of the Tatars of the Volga Region and the Urals.....	30
Allaberdin V.V. Some Aspects of the Activities of Representatives of the Turkic-Tatar Emigration in Turkey in the Works of Russian and Turkish Researchers	37
Nafikov I.Z., Asrorov M.M. Modern Information Technologies as a Tool for Teaching Turkish: International Experience and Innovative Solutions.....	44
LEGACY	52
Fakhrutdinov R.R. Tatars in Pugachev's movement.	52

С Т А Т Ь И

УДК 930.091

ВКЛАД ЧАРЛЬЗА ГАЛЬПЕРИНА В ДЕЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Т.Г. Имамов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
timur.imamov.2000@icloud.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>*

Резюме. Актуальность данной проблемы заключается в том, что в научном сообществе требуется свежий взгляд на историю Золотой Орды, на данный момент воспринимаемую в рамках устоявшейся исторической традиции. В статье представлена биография и научная деятельность американского историка, тюрколога Чарльза Гальперина. Объектом данного исследования является Золотая Орда в трудах американского историка. Предмет исследования – монографии, статьи, публикации Чарльза Гальперина. Цель данной статьи - выявление вклада Чарльза Гальперина в дело изучения истории Золотоордынского государства. Основными методами являются биографический и сравнительный методы. Кроме того, был использован общенаучный метод анализа.

Ключевые слова: Чарльз Гальперин, Золотая Орда, историография, монголы, Монгольская империя.

Для цитирования: Имамов Т.Г. Вклад Чарльза Гальперина в дело изучения истории Золотой Орды. *Тюркологические исследования*. 2023;6(4):7–17.

CHARLES HALPERIN'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE

T.G. Imamov

*Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
timur.imamov.2000@icloud.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>*

Abstract. The relevance of this problem lies in the fact that the scientific community requires a fresh look at the history of the Golden Horde, which is currently perceived within the framework of an established historical tradition. The article presents the biography and scientific activities of the American historian, Turkologist Charles Halperin. The purpose of this article is to determine the contribution of Charles Halperin to the study of the history of the Golden Horde. The main methods are biographical and comparative methods. In addition, a general scientific method of analysis was used.

Keywords: Charles Halperin, Golden Horde, historiography, Mongols, Mongol Empire.

For citation: Imamov T.G. Charles Halperin's Contribution to the Study of the History of the Golden Horde. *Turkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(4):7–17. (In Russ.)

Введение

Изучение эпохи Золотой Орды – одна из регулярных тем исторической науки, на Золотую Орду как объект исследования обращают внимание не только историки, но и филологи, лингвисты и представители других гуманитарных дисциплин. Исследование Чарльза Гальперина на тему Золотой Орды стало предметом анализа в данной публикации. Это историк, занимавшийся изучением трудов Г.В. Вернадского, историей Улуса Джучи и многими вопросами российской истории. Автор прекрасно владеет историографией Золотой Орды и является специалистом по русским средневековым источникам. Одна из главных особенностей Ч.Гальперина – объективность к такому государственному образованию как Золотая Орда. Он буквально лишен каких-либо националистических и шовинистских предрассудков старой имперской и советской исторической школы. Можно наблюдать и немалое количество новых, современных взглядов на проблемы истории Золотой Орды, ее взаимоотношений с русскими княжествами, в частности. Как пример, можно выделить такое явление как «идеология молчания». В целом, труды Чарльза Гальперина интересны своим новым взглядом на устоявшиеся традиции отечественной школы изучения истории Золотой Орды – это ценный вклад в изучение не только Золотой Орды, но и истории России.

Методы

Методологической основой исследования служит биографический метод, в рамках которого автор статьи рассматривает становление Чарльза Гальперина как исследователя и специалиста в области не только истории России, но и Золотой Орды. Кроме того, используется сравнительный метод, позволяющий выявить общие черты и различия в трактовке событий золотоордынской эпохи.

Результаты и обсуждения

Чарльз Гальперин родился 21 июля 1946 года на восточном побережье США, в городе Нью-Йорк. Поступив в Бруклинский колледж в 1963 году, начал изучать историю до 1967 года. Под руководством Михаила Чернявского проводил исследование по истории России в Колумбийском университете (г. Нью-Йорк). Интересен тот факт, что с 1971 по 1972 год находился в СССР при поддержке IREX и Fulbright-Hays Fellowship. В феврале 1973 года, после исследований проведенных в СССР, получает докторскую степень. С 1972 по 1980 год был сотрудником кафедры истории Индианского университета в Блумингтоне. Кроме того, с 1980 по 1982 год занимал должность старшего сотрудника Русского института Колумбийского Университета. В 1981 вновь побывал в СССР в рамках исследования при поддержке IREX¹. С 1982 по 1996 год из-

¹ The International Research & Exchanges Board (IREX) - международная некоммерческая организация, специализирующаяся на глобальном образовании и развитии. IREX работает с партнерами более чем в 100 странах мира. IREX была совместно основана в 1968 году Американским советом научных обществ, Фондом Форда, Советом по исследованиям в области социальных наук и Государственным департаментом США .

учал компьютерное программирование, так как попытка восстановиться в университете не увенчалась успехом. С осени 1996 года вернулся к академической работе и получил статус внештатного сотрудника в исследовательской академии Русского и Восточноевропейского института Университета Индианы.

Интерес к Золотой Орде, а именно русско-ордынским отношениям, проявился в ходе работы с Михаилом Чернявским. Диссертация Ч. Гальперина «Русская земля и русский царь: зарождение российской идеологии в 1380-1408 годах» посвящена не только истории России, но и представлению о монголо-татарах в русских источниках конца XIV века, а так же «Куликовскому циклу».

Проблема влияния Золотой Орды на Россию была значимой темой исследований Чарльза Гальперина, которая нашла отражение в двух его монографиях. Это «Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History» и «The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia». Кроме этого, по этой проблематике у Ч.Гальперина имеется сборник из 12 ранее опубликованных статей: «Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia».

Первый монографический труд Ч.Гальперина, связанный с историей Золотой Орды – «Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History». Данный труд был издан в 1987 году. Текст Гальперина представляет из себя разбор влияния «монгольского фактора» на развитие русского государства. Ч. Гальперин затронул следующие проблемы: взаимоотношение Золотой Орды и Монгольской империи, монгольская администрация и Русь, роль монголов в политике Руси, монголы и московская политическая элита, монголы и русское общество и другие. Источниковой базой монографии является массивный корпус письменных средневековых русских источников, например, таких как «Полное собрание русских летописей».

Делая анализ монографии можно отметить, что Гальперин критикует прошлую историческую школу изучения Золотой Орды, которые буквально воспринимали текст летописей и интерпретировали его так, как этого желал летописец – ненавидеть монголов и выставлять их в негативном ключе. Автор пишет, что отношения Золотой Орды и Руси выстраивались не всегда в форме конфликтов, существовали и мирные виды взаимоотношений [7]. Кроме того, автор выделяет такое явление как «текущая мозаика» (англ. fluid mosaic). Суть этого явления заключается в том, что русские князья в благоприятных для себя условиях восставали против татар, и сотрудничали, если этих условий не было. К заключению, Ч.Гальперин ставит задачу перед исследователями вернуться к русским средневековым источникам и на основе их изучения переосмыслить монгольское влияние на историю России. Мною не был проанализирован термин «идеология молчания», который выделил Ч.Гальперин в своей первой монографии. Анализ этого явления будет ниже.

Второй его значимый труд, «The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia», займет значительное место в данной публикации. Если говорить о самой книге на самой книге, то имеются вариации на английском и русском языках. Печатная версия на английском языке вышла в 2009 году на базе издательства «Slavica», который принадлежит Индианскому университету. На русский язык монографию перевела Марина Евгеньевна Копылова, редактировал русский перевод Юрий Васильевич Селезнев. Монография

на русском языке издана в Воронеже в 2012 году. В центре внимания данной монографии то, как в письменных источниках русских княжеств воспринимали и описывали власть Золотой Орды и образ татар в целом. Ч. Гальперин опирался на такие русские средневековые источники как ПСРЛ, Новгородская первая летопись, Троицкая летопись и другие. Введение начинается с дискуссий о методологии исследований исторических источников. Гальперин пишет, что советская историческая школа обладала отличной техникой анализа источников, выявляя «словно детективы» политические и идеологические установки. Но интерпретация образа татар в советской исторической школы сводится к тому, что татары это угнетатели и враги. Тут Гальперин считает это «национальным» и «патриотическим» подходом, что не совсем отражает объективность исследований не только советской, но и дореволюционной и западной историографии [15].

Одним из значимых моментов в его монографии является выделение термина «идеология молчания». Смысл этого термина заключается в том, что врага нужно ненавидеть или игнорировать. Задачами своего исследования Ч. Гальперин ставит: изучить события в хронологической последовательности (представлены как главы); установить, как менялось отношение к хану от региона к региону и от эпохи и к эпохе; показать как книжники старались выделить образ хана от образа татар в целом, и как политика переходила в религию.

Анализируя источники, Гальперин приходит к выводу что анализ нужно проводить концептуальный, учитывая мировоззрение летописцев того времени. Чарльз Гальперин пишет: «Татар ненавидели, потому что они были не православными христианами, а неверными, язычниками, мусульманами, исмаилитами, агарянами и бесерменами». Религиозный фактор как форма своей исключительности по отношению к татарам играл ключевую роль в идеологии молчания. В средневековой идеологии нельзя было допускать мирного сосуществования двух разных религий, ибо это было против Божественной воли. Именно поэтому в русских средневековых источниках о татарах писалось только негативное или вообще ничего не писалось. Русские летописцы отрицали сам факт завоевания и представляли русско-татарские отношения как серию военных столкновений без потери политической независимости. Следующая особенность идеологии молчания – это уважение к монгольским ханам. Для русских князей и религиозных деятелей для обеспечения успешной карьеры требовалось взаимодействие с Чингизидами. Ч. Гальперин подчеркивает роль Москвы в защите чингизидской легитимности на примере Куликовской битвы против Мамаю, т. е. подчёркивает то, что русские признавали власть только чингизидов. Несмотря на это, автор подчеркивает проблему неоднозначности ответа русских летописцев на монгольское завоевание и его последствия.

После падения Золотой Орды, Русское государство приобрело независимость, но существовало в рамках евразийского кочевого мира. Это проявлялось в почтовой службе, где соблюдались мусульманские запреты или совершение намаза в Кремле. Москва в отношениях с постордынскими государствами чтит чингизидскую власть на престоле. Кроме этого, в XVI веке в Москве было переписывание истории, так как восточная угроза была ликвидирована. Но взгляд русских на отношения с татарами не изменился, или изменился незначительно.

Чарльз Гальперин уделяет особое внимание термину «обычай», который встречается в летописях. Это тоже одна из особенностей «идеологии молчания», некий инструмент для отстранения от действительности. В заключении Ч. Гальперин отмечает человечность идеологического ответа русских летописцев и что данная проблема заслуживает дальнейшего исследования.

Отдельные публикации занимают немалое место в его биографии, и на них тоже стоит обратить внимание. Статьи Гальперина оформлены в виде сборника, что сильно упрощает изучение его трудов и не требует длительного поиска для исследователя. Его сборник называется «Russia and the Mongols: Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia». Данный сборник был издан в 2007 году, в Бухаресте на базе Румынской Академии. В книге содержатся все статьи Чарльза Гальперина с 1975 по 2005 годы.

Сборник открывает первая публикация Ч.Гальперина на тему взаимоотношений Золотой Орды и Руси «A Chingissid Saint of Russian Orthodox Church: «The Life of Peter, Tasrevich of the Horde». Автор затрудняется с датировкой данного жития, при этом приводя историографию данной проблемы [2]. Он ссылаясь на таких ученых как Ключевский, Скрипиль, Дмитриев, Будовниц. Гальперин пишет о том, что данное житие носит легендарный характер и Пётр живет только в рамках этого «жития». Кроме этого, Гальперин критикует морализаторскую интерпретацию Федотова и Будовниц: положительная роль монголов в «житие» состоит не «угодничестве» или «пресмыкательстве», так же и «эгоизм» церкви в защите своих материальных благ не должен рассматриваться в исключительно негативном ключе. Проводя анализ данного источника, Гальперин приходит к выводу что «житие Петра, царевича Орды» является одним из свидетельств легитимности монгольского правления в глазах русских и преобладания клана чингизидов в русском восприятии монгольского политического общества. Автор статьи показывает, что несмотря на несколько поколений в культурном поле православия и оседлости, чингизид всё равно будет считаться чингизидом. Именно эта концепция укрепились в сознании церкви и ее идеологов, пишет Гальперин.

Биография и научная деятельность Георгия Вернадского стала главной темой статьи «George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia». Чарльз Гальперин пишет, что Г. Вернадский никогда не выражал в своих трудах осознание эволюции или противоречий в своей концептуализации монгольского периода русской истории. Труд Вернадского «Монголы и Россия» противоречив: с одной стороны это неевразийская книга, насыщенная евразийством. Вернадский в личном и профессиональном плане был продуктом великой традиции либеральной русской интеллигенции. Во многом это повлияло на его негативную трактовку монгольского влияния на Русь, в частности, на появление в России самодержавия и крепостничества, с чем Гальперин в корне не согласен. Несмотря на это, автор отмечает его «впечатляющую продуктивность по исследованиям истории России, Византии и Внутренней Азии, высокое уважение в научном сообществе и что наследие Георгия Вернадского изучено слабо.

Чарльз Гальперин в публикации «Know thy enemy»: Medieval Russian Familiarity with the Mongols» ставит целью представление данных, подтверждающие вывод о близком знакомстве русских с географией, людьми и языком в Монгольской империи и Золотой Орде. В статье автор прикрепляет приложение с татарскими именами знатных людей в русских летописях. Кроме того,

житие Михаила Тверского подтверждает прекрасное владение географией Золотой Орды. Русские летописцы получали данные о Золотой Орде для своих практических целей, и знание своего «идеологического врага» в лице монголов помогало в трудных для политической элиты ситуациях. При анализе источников, Гальперин указывает на неочевидность и ограниченность информации о Золотой Орде, и это требует детального и скрупулезного анализа русских летописей. Ограниченность информации объясняется автором тем, что большое количество информации о татарах вредно и может подорвать религиозно-идеологическую парадигму, где татары это «неверные» люди. Так, изучая русские средневековые источники, Гальперин приходит к выводу что русские летописи неохотно, но всё же указывали на наличие связей Руси с Золотой Ордой [5].

В статье «Soviet Historiography on Russia and the Mongols» Ч. Гальперин проводит анализ трудов советских учёных и критикует их концептуальный подход в целом. Недостатком их трудов является марксистский подход, который не всегда отражает объективную реальность исторических процессов. Недостатком, по мнению Ч. Гальперина, является тот факт, что не учитывался «монгольский фактор» на развитие России – советские историки выставляли монгольскую империю в негативном ключе [10]. Кроме этого подчеркивается, что исследователями не написано ни единого обобщающего труда по истории взаимоотношений Руси и Золотой Орды с использованием междисциплинарного подхода.

«Tsatev ulus: Russia in The Golden Horde» знакомит читателей с таким интересным политическим инструментом русских летописцев, как «улус». Гальперин, опираясь на русские средневековые источники, пишет, что русские умело манипулировали татарскими политическими понятиями и терминологией для описания положения России в Золотой Орде. Стоит добавить, что, по словам Ч. Гальперина, Россия не могла быть улусом Золотой Орды, приводя следующие доводы: Русь была в лесной зоне, которая не пригодна для кочевой жизни и не была на стыке мощных торговых регионов (Крым, Хорезм). Летописцы старались преподнести себя в исключительно положительном ключе и имели сугубо прагматический интерес, умело подтасовывая истину ради тенденциозных политических целей. Ч. Гальперин отметил слабую проработанность термина «улус» и по данному термину не было проведено отдельного полноценного исследования [16].

В основе статьи «The defeat and death of Batu» лежит анализ двух источников древнерусской литературы: «житие Меркурия Смоленского» и «Повесть об убиении Батыея». Гальперин на примере этих источников показывает, что это один из примеров неоднородности средневековых русский представлений о татарах, неоднородности, которая в большей степени отражает двусмысленность и сложность влияния монголов на русскую историю. Отмечается проблема точной датировки этих памятников, кроме того, в «Повести об убиении Батыея» много исторических неточностей. В «повести» говорится, что Батый умер 1240-х годах в Венгрии, а не в 1256 году в Сарае. «Житие Меркурия Смоленского» и «Повесть об убиении Батыея» можно условно отнести к излишне оптимистичной «оттепели» в отношении Москвы к татарам после того, как Золотая Орда или Великая Орда начала распадаться. Но русские летописцы осознавали, что «татарская проблема» еще была не решена и оставался огромный мир постордынских государств. Применяя к данным источникам ретро-

спективный взгляд, их можно было бы назвать «исторической фантастикой», пишет Гальперин [11]. Он ставит перед будущими исследователями новую задачу по оценке вклада этих двух текстов во всесторонний анализ отношений русских к татарам.

В «The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier» Гальперин впервые выделяет термин «идеология молчания» и делает сравнительный анализ между тремя его проявлениями: религиозно-идеологическое противостояние христианства и ислама арабов и испанцев эпохи Реконкисты, османов и византийцев, русских и монголов [13].

В «The six-hundredth anniversary of the battle of Kulikovo field, 1380-1980, in soviet historiography» Гальперин разбирает труды, изданные в 1980 году в честь 600-ой годовщины Куликовской битвы. Автор подводит к мысли, что отражение Куликовской битвы преувеличено в советской историографии, и имеет национально-патриотический характер. Ч. Гальперин пишет, что ослабление Орды в этот период вызвано не силой Москвы, а ведением Тохтамышем борьбы с Тимуром. Вероятнее всего, пишет историк, Куликовскую битву стоит рассматривать не как причину успеха Москвы, а скорее его отражение. И, в конце концов, битва на Куликовом поле возможно была символом могущества Москвы, а не катализатором немедленного политического преимущества Москвы или усилением великорусского патриотизма и национального самосознания после 1380 года.

Проблема «непобедимости монгольской армии» ставится за основу в публикации Гальперина «Russo-Tatar Relations in Mongol context: Two notes». Статья состоит из двух частей: в первой разбирается внешняя политика Монгольской империи в отношении России, Китая и Ирана. Гальперин высказывает теорию о том, что монголы были провокаторами и отправляли своих послов в соседние страны зная что их убьют, тем самым создавая почву для вторжения. Вторая часть повествует, непосредственно, о проблеме «непобедимости монгольской армии». Распространение мифа, по мнению Чарльза Гальперина, объясняется двумя факторами [9]. Во-первых, незаинтересованность дореволюционной историографии в монголах и нежелание обсуждать этот вопрос. Во-вторых, российская и советская историография подчеркивала сопротивление татарскому правлению со стороны «народа». И автор приходит к выводу, что миф о «непобедимости монгольской армии» был изобретен современными историками, а не монголами или оседлыми народами того времени.

В статье «The East Slavic response to The Mongol Conquest» Чарльз Гальперин говорит о восприятии политической реальности времён Золотой Орды у «восточных славян». Он приводит ряд аргументов в пользу того, что они считали себя частью Орды и подданными хана-чингизида. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» русские князья описываются как улусники, в «Сказании о Тохтамышевом разорении» Москва именуется улусом Тохтамышя, Едигей в своём ярлыке 1409 года описывает Русь как Царёв улус, боярин Иван Всеволожский назвал Василия II холопом Орды в 1432 году, а Иван III пытался убедить Ахмата «не нападать на собственный улус» в 1480 году. Автор не считает это прямым доказательством интеграции русских княжеств в Улус Джучи, однако отмечает, что такую терминологию нельзя игнорировать. Он также отмечает, что это могло быть использовано для убеждения ханов учитывать русские интересы. Вместе с тем, историк обращает внимание на чеканку мо-

нет, что было королевской прерогативой в Средние века. Первые московские монеты времён Донского несли на себе имя хана Тохтамыша и арабскую надпись. Гальперин считает, что все, имевшие дело с этими монетами, полностью осознавали значение символов, изображённых на них. Он углубляется в тему, приводя в пример разгром Маая: «...цикл Куликовских памятников не содержит в себе ничего, кроме факта поражения Маая – эмира, но не чингизида, которым русские всё так же отправляли дань в виде подарков. Ничего из этого не намекает об «освобождении от татарского ига». В Дмитрие Донском автор видит движение в сторону изменений, приводя в пример его манипуляции с данью; тем не менее, Доской в его понимании «имел амбиции, но амбиции очень скромные» [12]. Даже в 1480 году не было ни единого текста, говорящего об обособленности Руси, а самым громким политическим заявлением была чеканка имени Ивана III на монетах, но только на арабском языке. Даже после распада Золотой Орды русские отправляли подарки чингизидам в Крым. Первые реальные изменения в дипломатических отношениях Москвы и степи он относит к середине XVI века, где, начиная с Никоновской летописи, стало осознанно меняться восприятие событий времён Золотой Орды – реалии татарского правления были отмечены как обычаи, которым не место в царском правлении. В заключении он обращает внимание на неспособность правителей и летописцев вовремя ввести понятие суверенитета и связать это с ордынским завоеванием – «уникальное явление, приведшее к непрекращающейся научной дискуссии».

Ч. Гальперин в своей статье «Kliuchevskii and The Tatar Yoke» знакомит читателей с российским историком В. О. Ключевским. Несмотря на признание заслуг Ключевского как со стороны западных историков, так и отечественных, Гальперин отмечает сознательный уклон В. О. Ключевского от «монгольского фактора» в трактовке истории России. Гальперин отмечает, что это следование западной исторической мысли XIX века, где Россия это часть «цивилизованной Европы» и связь с «отсталым, варварским, кочевым, мусульманским востоком» умалчивалась и не ставилась всерьёз [4]. И автор статьи ставит перед читателями проблему восприятия трудов Ключевского как устаревших, враждебных исторической науке предрассудков.

Вопрос о наличии историографической традиции в Золотой Орде Ч. Гальперин поднял в статье «The missing Golden horde chronicles and historiography in The Mongol Empire». Автор сделал сравнительный анализ на основе двух покоренных монголами государств – Китая и Ирана. Он пришел к выводу, что Иран и Китай обладали богатой историографической традицией до монгольского нашествия, и поэтому у них хорошо сохранилась письменная традиция написания истории. В Золотой Орде демографическое большинство состояло из кочевых племен кыпчаков, которые имели только устную историческую традицию на уровне эпосов, легенд и генеалогий. Они не могли бы передать историческую традицию золотоордынским ханам, пишет Гальперин на основе сравнительного анализа государств Джучидов, Ильханидов и Юаньской империи.

В статье «Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion» [6] обсуждается проблема создания национального исторического нарратива посредством исключения из доминантного исторического дискурса прошлого национального мень-

шинства, сыгравшего важную роль в формировании российского государства и культуры. Гальперин прослеживает динамику эволюции воззрений российских историков на наследие Золотой Орды и ее влияния на российскую историю. Проследив эту динамику от Н.М. Карамзина до современных исследователей, Гальперин приходит к выводу, что предрассудки историков помешали им использовать в полной мере значительное количество знаний, накопленных востоковедами, археологами, и нумизматами. На многочисленных примерах Ч. Гальперин доказывает необходимость выхода российской исторической науки из дисциплинарной изоляции, что поможет созданию более инклюзивного исторического нарратива.

Таким образом, несмотря на то, что Гальперин изучал не напрямую историю и культуру Золотой Орды, его вклад огромен. В первую очередь, он одним из первых начал пересмотр имперской и советской историографии, где господствовала национально-патриотическая традиция. И ценность трудов Гальперина для современной исторической науки заключается в том, что он дает новый, объективный взгляд на Золотую Орду, отбрасывая все национальные и шовинистские взгляды на это государство.

Во-вторых, Чарльз Гальперин в своих трудах ссылается на большое количество трудов, посвященных Золотой Орде. А.Ю. Дворниченко и В.В. Шапошник в своей публикации, посвященной книге Гальперина об Иване Грозном писали: «Тут уместно отметить высокую историографическую культуру историка. Его труды буквально пронизаны историографией. Американский историк знает русскую историографию (старую и новую), прекрасно в ней ориентируется. Для российского же читателя, желающего узнать больше о западной историографии, американской и не только, книга может стать настоящим кладом сведений» [1, с. 636]. Автор приводит не только исторические труды, но и во многом опирается на средневековые письменные источники. Ч. Гальперин старается максимально объективно оценивать все отношения, которые были между Золотой Ордой и русскими княжествами. Все эти аспекты были раскрыты Гальперином благодаря прекрасному владению русскими средневековыми источниками.

В конце концов, Ч. Гальперин дал некоторые ответы на старые проблемы и сформулировал новые. Его исследования заслуживают изучения, и данные труды будут интересны для широкого круга читателей, заинтересованных в истории Золотой Орды и истории России.

Список литературы

1. Дворниченко А. Ю., Шапошник В. В. И снова Грозный Иван, или О новой книге американского ученого // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 633–645.
2. Halperin, Charles J. A Chingissid Saint of Russian Orthodox Church: «The Life of Peter, Tsarevich of the Horde» // Canadian-American Slavic Studies, IX, 1975, 3, P. 324–335.
3. Halperin, Charles J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review, 41, 1982, 3, pp. 477-493.
4. Halperin, Charles J. Kliuchevskii and the Tatar Yoke // Canadian-American Slavic Studies, 34, 2000, 4, pp.385-408.

5. Halperin, Charles J. «Know Thy Enemy»: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 30, 1982, 2, pp. 161-175.

6. Halperin, Charles J. Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion // *Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, 2004, 3, pp. 131-144.

7. Halperin, Charles J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. – Indiana University Press, 1987. – 192 pp.

8. Halperin, Charles J. *Russia and the Mongols: slavs and the steppe in medieval and early modern Russia* / Charles J. Halperin; ed.: Victor Spinei, George Bilavski. – București: Editura Academiei Române, 2007. – 327 pp.

9. Halperin, Charles J. Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 51, 1998, 3, pp. 321-339.

10. Halperin, Charles J. Soviet Historiography on Russia and the Mongols // *The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present*, 41, 1982, 3, pp. 306-322.

11. Halperin, Charles J. «The Defeat and Death of Batu» // *Russian History / Histoire Russe*, 10, 1983, 1, pp. 50-65.

12. Halperin, Charles J. The East Slavic Response to the Mongol Conquest // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 10, 1998-1999, pp. 98-117.

13. Halperin, Charles J. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // *Comparative Studies in Society and History*, 26, 1984, 3, pp. 442-466.

14. Halperin, Charles J. The Place of Rus' in the Golden Horde // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 14, 2005, pp. 21-30.

15. Halperin, Charles J. *The Tatar Yoke: the image of the Mongols in medieval Russia*. Corrected edition. – Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2009. 239 pp.

16. Halperin, Charles J. Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde // *Cahiers du monde russe et soviétique*, XXIII, 1982, 2, pp. 257-263.

References

1. Dvornichenko A. Yu., Shaposhnik V. V. And again Ivan the Terrible or about a New Book by the American Scholar. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 2, pp. 633– 645. (In Russian)

2. Halperin, Charles J. A Chingissid Saint of Russian Orthodox Church: «The Life of Peter, Tsarevich of the Horde». *Canadian-American Slavic Studies*, IX, 1975, 3, pp. 324-335.

3. Halperin, Charles J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia. *Slavic Review*, 41, 1982, 3, pp. 477-493.

4. Halperin, Charles J. Kliuchevskii and the Tatar Yoke. *Canadian-American Slavic Studies*, 34, 2000, 4, pp.385-408.

5. Halperin, Charles J. «Know Thy Enemy»: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 30, 1982, 2, pp. 161-175.

6. Halperin, Charles J. Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion. *Ab Imperio. Studies of*

New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space, 2004, 3, pp. 131–144.

7. Halperin, Charles J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Indiana University Press, 1987. 192 pp.

8. Halperin, Charles J. *Russia and the Mongols: Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia* / Charles J. Halperin; ed.: Victor Spinei, George Bilavski. București: Editura Academiei Române, 2007. 327 pp.

9. Halperin, Charles J. *Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 51, 1998, 3, pp. 321-339.

10. Halperin, Charles J. *Soviet Historiography on Russia and the Mongols*. *The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present*, 41, 1982, 3, pp. 306-322.

11. Halperin, Charles J. «The Defeat and Death of Batu». *Russian History / Histoire Russe*, 10, 1983, 1, pp. 50-65.

12. Halperin, Charles J. *The East Slavic Response to the Mongol Conquest*. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 10, 1998-1999, pp. 98-117.

13. Halperin, Charles J. *The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier*. *Comparative Studies in Society and History*, 26, 1984, 3, pp. 442-466.

14. Halperin, Charles J. *The Place of Rus' in the Golden Horde*. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 14, 2005, pp. 21-30.

15. Halperin, Charles J. *The Tatar Yoke: the image of the Mongols in medieval Russia*. Corrected edition. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2009. 239 pp.

16. Halperin, Charles J. *Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde*. *Cahiers du monde russe et soviétique*, XXIII, 1982, 2, pp. 257-263.

Сведения об авторах: Имамов Тимур Гайсович, магистрант Института международных отношений Казанского Федерального университета (420021, Казань, ул. Левобулачная, д.44), e-mail: timur.imamov.2000@icloud.com

About the authors: Timur Imamov, Master's student of the Institute of International Relations of Kazan Federal University (420021, Kazan, 44 Levobulachnaya), e-mail: timur.imamov.2000@icloud.com

Дата поступления 14.11.2023

Принят к публикации 01.12.2023

Received November 14, 2023

Accepted for publication December 01, 2023

УДК 7.03

**ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ТАТАРСКОГО ЖИЛИЩА
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.***А.Ф. Сафиулова**Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
aliya.safifulova.27@gmail.com*

Резюме. Актуальность данного исследования определяется, таким образом, необходимостью восполнения пробела в изучении интерьера как одного из важных элементов традиционной культуры с использованием соответствующей современной состоянию науки методологии и, в целом, учитывая возросшую в обществе потребность в освоении и сохранении этнического своеобразия в современной культуре. Целью данной статьи является анализ интерьера татарского жилища в трудах российских исследователей второй половины XIX века – начала XX века. В дореволюционный период в российской исторической науке происходит накопление материала по культуре и быту татар волго-уральского региона. К сожалению, большинство представленных трудов не содержат в себе подробных описаний внутреннего убранства и пригодны лишь для сопоставительного анализа, так как жилище татар Поволжья и Приуралья в дореволюционный период исследовалось путешественниками, этнографами и учеными лишь в контексте общего анализа традиционной материальной и духовной культуры. Несмотря на это, на основе анализа работ авторов второй половины XIX – начала XX вв. можно воссоздать обобщенный образ интерьера бедных, зажиточных и богатых татар.

Ключевые слова: российская историография, интерьер татарского жилища, убранство татарского дома, татары.

Для цитирования: Сафиулова А.Ф. Внутреннее убранство татарского жилища в трудах отечественных исследователей второй половины XIX – начала XX вв. *Тюркологические исследования.* 2023;6(4):18–29.

**THE INTERIOR OF THE TATAR DWELLING IN THE WORKS
OF RUSSIAN RESEARCHERS OF THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY TO THE EARLY 20TH CENTURY***A.F. Safifulova**Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
aliya.safifulova.27@gmail.com*

Abstract. The relevance of this study is determined, therefore, by the need to fill the gap in the study of the interior as one of the important elements of traditional culture using a methodology appropriate to the current state of science and, in general, taking into account the increased need in society for the development and pres-

ervation of ethnic identity in modern culture. The purpose of this article is to analyze the interior of a Tatar dwelling in the works of Russian researchers of the second half of the XIX century – the beginning of the XX century. In the pre-revolutionary period, Russian historical science accumulated material on the culture and everyday life of the Tatars of the Volga-Ural region. Unfortunately, most of the presented works do not contain detailed descriptions of the interior decoration and are suitable only for comparative analysis, since the dwelling of the Tatars of the Volga region and the Urals in the pre-revolutionary period was studied by travelers, ethnographers and scientists only in the context of a general analysis of traditional material and spiritual culture. Despite this, based on the analysis of the works of the authors of the second half of the XIX century – the beginning of the XX century. It is possible to recreate a generalized image of the interior of poor, prosperous and rich Tatars.

Keywords: Russian historiography, interior of the Tatar dwelling, decoration of the Tatar house, Tatars.

For citation: Safiulova A.F. The Interior of the Tatar Dwelling in the Works of Russian Researchers of the Second Half of the 19th Century to the Early 20th Century. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(4):18–29. (In Russ.)

Количество исследований и трудов, посвященных изучению культуры и истории татарского народа, значительно увеличилась со второй половины XIX века. В целом, середина XIX в. знаменуется временем научного изучения народной культуры, является временем активного накопления различных этнографических материалов. Эти процессы связаны как с проводимыми в стране реформами, так и с развитием земского движения и науки, помимо всего прочего в этот период наблюдается рост интереса к культуре татар.

Начиная со второй половины XIX века описание быта и интерьера татарского жилища содержится в работе писателя и этнографа Василия Афанасьевича Сбоева (1810–1855/1856) «О быте крестьян в Казанской губернии». Его описание внутреннего убранства жилища зажиточных татар Казанской губернии в первую очередь начинается с анализа планировки жилища. Автор отмечает наличие двух половин: передняя и задняя, между которыми находились некрытые сени, часто предназначенные для домашнего богомолья [9, с. 19]. Как и более ранние современники, автор отмечает деление передней избы на мужскую и женскую половины, разделенные дверями. Обратим внимание, что В.А. Сбоев один из первых авторов впервые упоминает деление избы не только на традиционные мужскую и женскую половины, но и на переднюю и заднюю избы. Описывая предметы интерьера жилища, автор говорит о наличии печи, в которой находился котел для приготовления пищи, указывает на наличие нар, которые выполняли функцию как традиционных скамеек и стульев, так и являлись складочным местом постелей, подушек и сундуков с платьями.

Описание внутреннего устройства задней избы достаточно скудное: автор подчеркивает, что она предназначалась для «черных работ» и в окнах даже у самых зажиточных татар вместо стекол использовали коровьи пузыри или брюхавицы [9, с. 19]. Как мы можем заметить, даже во второй половине XIX века зажиточные татары все же продолжали использовать вместо стекол различные природные материалы, но лишь в задних избах или хозяйственных постройках, а не в жилых домах.

Проведение земской реформы и развитие земского движения во второй половине XIX века оказало влияние на рост проводимых статистических исследований и описаний в различных губерниях Российской империи. Среди авторов, которые делали статистические описания о жилище и быте татар волго-уральского региона можно выделить географа и краеведа Василия Макаровича Черемшанского (1821–1869), который известен своим трудом «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях». В первую очередь автор замечает, что внутреннее расположение домов у всех татар было схожим, различие между домом зажиточного татарина и жилищем менее зажиточных и бедных татар заключалось лишь в размерах домов и чистоте их отделки [13, с. 170].

Характеризуя дом зажиточного татарина, В.М. Черемшанский пишет, что их дома состояли из двух жилых изб, между которыми ставились глухие сени. Одна из жилых изб занимала место кухни и в ней жили постоянно, другая изба содержалась в чистоте и опрятности и служила больше для приема гостей и спальни самого домохозяина. В таких домах автор подмечает некоторую роскошь интерьера. Например, на нарах раскладывались ковры, а поверх них расставлялись перины и подушки. На печке ставили самовар и поднос с чашками, на стенах жилищ зажиточных татар развешивали полотенца, а женскую комнату разделяла ручной работы ситцевая или пестрядинная занавеска.

Дома менее зажиточных и бедных татар, как уже было сказано выше, были сходны по внутреннему убранству и планировке с домами богатых татар. Дома отличались лишь тем, что «не так обширны, не так опрятны, часто полуобветшалы и вообще не представляют тех удобств которыми отличаются дома зажиточных» [8, с. 170]. У некоторых татар Оренбургской губернии хоть и имелись по две избы, но они меньше, ниже, и далеко уступали по отделке, убранству и внутреннему декору.

Еще одним этнографическим исследованием, где можно обнаружить описание хозяйственного быта татар Казанской губернии, является работа этнографа Александра Фёдоровича Риттиха (1831–1915). Характеризуя внутреннее убранство и планировку дома, А.Ф. Риттих также как и другие современники в первую очередь отмечает наличие «чистой» и «грязной» половин жилища, которые соединялись между собой сенями. «Грязная» половина, как правило, предназначалась для производства различных работ, а «чистая» половина разделялась на мужскую и женскую части, при этом «та и другая половина не имеют внутри другой мебели, как нары, переполненные пуховиками и подушками» [8, с. 16].

Описывая городской дом, А.Ф. Риттих, как и К. Фукс, говорит о наличии приемных покоев в виде залы и гостиной, которые были убраны на европейской лад и интерьер которых состоял из мягкой мебели, различных зеркал, канделябр, занавесок, ковров, салфеток и цветов на окнах. В женской же половине преобладал «азиатский вкус с его низкими диванами по стенам, на которых сидят татарки поджав свои ноги» [8, с. 17]. А.Ф. Риттих также подмечает тот факт, что татары белили свою печь несколько раз в год, ставили на видное место зеркала, самовар с чайным прибором яркого цвета и большой, железный, раскрашенный яркими цветами сундук.

В 80-х гг. XIX века вышла этнографическая работа «Народы России: этнографические очерки», в которой описываются нравы, образ жизни и обычаи

различных народов, населявших Российскую империю. В работе присутствует описание таких подгрупп татар волго-уральского региона как казанские татары, мещеряки и тептяри-мусульмане.

В первую очередь рассмотрим описание интерьера жилища казанских татар. Авторы отмечают также описанные выше деление жилища на две половины, между которыми находились сени. Чистая половина (передняя изба) также разделялась на два отделения, мужское и женское, в каждое из которых вела своя дверь. В целом, описание внутреннего интерьера во многом схоже с описаниями жилища казанских татар более ранних современников: по описанию авторов, в жилище имелись широкие нары с пуховиками и подушками, полы покрывались коврами или циновками, печь обычно белилась несколько раз в году и в нее вмазывался котел для варения пищи, а поверх ставили два жестяных кувшина для омовения. Авторы также отмечают, что «за печью таз для умывания и два полотенца: одно для рук, другое для ног» [4, с. 254]. Интерьер жилища Казанских татар обычно включал следующие предметы мебели: шкаф с посудой и чайным прибором, несколько сундуков, бухарские ковры и зеркало на видном месте. При этом, в интерьере парадных комнат богатых татар могла использоваться европейская мягкая мебель, но во внутренних «нежилых покоех преобладает азиатский вкус» [4, с. 254-255].

Говоря о задней избе, в работе подчеркивается тот факт, что она использовалась лишь для производства разных работ и «содержится вообще черно» [4, с. 254]. В такой избе на окнах, даже у зажиточных татар, вместо стекол часто вставлены бычачьи пузыри. Как мы можем заметить, на этот же факт указывал и В.А. Сбоев.

Следующей подгруппой волго-уральских татар, описываемой в работе, являются мещеряки. К сожалению, характеристика внутреннего жилища данной подгруппы татар достаточно скромна. Авторы говорят лишь о наличии у мещеряков черной избы и холодных сеней [4, с. 311]. Подметим, что ранее мы анализировали работы более ранних современников, которые писали, что жилище казанских татар представляет собой белую избу, а не черную.

Еще одной подгруппой татар, анализируемой в работе «Народы России: этнографические очерки» являются тептяри-мусульмане, живущие в Приуралье. По описанию авторов, большинство жилищ тептярей-мусульман было без сеней, а окна в жилищах без рам и стекол, они просто были затянуты пузырем. Внутри жилища чисто и опрятно, они также как и Казанские татары белили печь. В интерьере бедных и менее зажиточных татар-тептярей присутствовали нары, но в отличие от казанских татар в их домах также были и лавки со столами [4, с. 315].

Зажиточные тептяри имели две избы, одну из которых называли горницей. Внутреннее убранство состояло из нар с коврами, в переднем же углу обычно ставили стол, около стен развешивали полотенца с концами, вышитыми красной бумагой или шелком, в углах расставляли сундуки, на которых почти до потолка были навалены перины и подушки. У задней стены в избе стоял шкаф с чайной посудой, и иногда целая полка была занята чайниками. У тептярей, также как и у Казанских татар, характерным предметом интерьера являлся самовар, причем у богатых их бывало несколько. Рядом с самоваром ставился «медный умывальник в виде кувшина и медного таза» [4, с. 315]. Как мы можем заметить, внутреннее убранство как зажиточных, так и менее зажиточных

и бедных тептярей-мусульман во многом имели схожие черты с интерьером казанских татар. Основное различие в интерьере в наличии столов и лавок, так как у казанских татар они обычно имелись лишь у зажиточных татар.

Из работы «Народы России: этнографические очерки» мы получили краткие сведения о жилище мещеряков. Такую же краткую характеристику жилища мещеряков мы можем подчерпнуть из работы тюрколога-миссионера Евфимия Александровича Малова (1835–1918) «Сведения о мишарях». По его описанию различие жилищ мишарей от жилищ казанских татар состояло в том, что у их домов на задней стене делалось только одно окно и «дома их поэтому походят на человека, который зажмурил один свой глаз» [3, с. 79].

Говоря об отечественной историографии второй половины XIX века нельзя не упомянуть известного татарского этнографа и просветителя Каюма Насыри (1824–1902). В своих произведениях К. Насыри повествует об истории и этнографии татар, раскрывает культуру, мораль и принципы образования татарского народа. Также автор раскрывает характеристику быта и внутреннего убранства городских жителей, отмечая при этом, что жилища городских и слободских татар-мусульман по сравнению с деревенскими домами намного опрятнее [5, с. 18].

По описанию К. Насыри внешнее оформление татарских городских домов ничем не отличалось от русских, но их внутреннее убранство совершенно различно. В первую очередь различие состояло в том, что дом делился на две половины – мужскую и женскую, и для каждой половины имелась своя дверь. Автор отмечает, что «во многих домах для мужчин и женщин имеются отдельные туалетные комнаты; так полагается по шариату» [5, с. 18], также в мужской половине отсутствовали любые предметы женской одежды.

Кроме деления дома городского жителя на две половины, в нем обычно имелось несколько комнат – столовая, гостиная и кабинет, где обязательно были бумага, чернила, перо, дневники и книги. Планировки татарских жилищ городских жителей по К. Насыри встречались разные: у некоторых горожан отдельная столовая имелась во дворе, а кто-то отводил под столовую одну из комнат дома, пища готовилась там же или в меньшем доме [5, с. 19]. Кроме того, во всех комнатах полы накрывались коврами и по описанию автора «по ним в калушах не ходят, а надевают мягкие ичиги». Кроме ковров дом украшали зеркала, стол, стулья, большие кованые сундуки, одежда, подушки и перины [5, с. 18].

Интересен тот факт, что К. Насыри пишет о покрытии стен узорными обоями, для которых предпочтительно выбирались яркие светлые тона. На роспись стен в жилищах татар города Казани ранее обращал внимание и К. Фукс. На столах и около печи размещали подсвечники и медные тазы, самовары. В домах зажиточных татар часто имелось не по одному самовару, а по пять-шесть, которые выстраивали в ряд и, это придавало дому особую праздничность [5, с. 18-19].

Из импортной мебели в татарских домах по наблюдениям К. Насыри обязательно был буфет, который наполнялся дорогой посудой: тарелками, фарфоровыми чашками, серебряными чайными и столовыми ложками, резными трюмо с высокими зеркалами [5, с. 19]. Кроме этого автор отмечает, что в каждом татарском доме были книги по разнообразным темам как на татарском, так

и на русском языке, количество которых зависело от рода деятельности и образования хозяина.

Особенность описания татарского дома Каюмом Насыри проявляется в том, что в его трудах содержится первое упоминание шамаила как необходимого элемента декора татарского дома. Как известно, согласно мусульманской религии изображения человека запрещены, поэтому нельзя развешивать на стены картины и портреты. Вместо них можно увидеть «богато украшенные шамаилы, оправленные в дорогие рамы, или молитвы, наподобие «Аятель корси», изображения Мекки и Медины, цветов, также в красиво оформленной рамке, вышитые декоративные полотенца» [2, с. 19]. При этом, автор обращает внимание на то, что хоть в татарских домах и не развешивали портреты или картины на стены, но у некоторых из татар они имелись и «не выносятся на видные места».

Как и К. Фукс, К. Насыри отмечает наличие на подоконниках различных видов цветов. Занавески же на окнах чаще всего бывали из белой бязи или кисеи. В своём труде К. Фукс отмечал наличие у зажиточных татар клеток с египетскими голубями, К. Насыри же пишет о том, что в домах редко можно было встретить птиц, но это «в основном певчие, такие, как соловей и канарейка». В целом, по рассказу автора заточать в клетках птиц нельзя по шариату, но он также приводит предание согласно которому египетский голубь пользуется среди татар уважением [2, с. 19].

Как мы писали ранее, развитие земского движения второй половины XIX века повлияло на проведение статистических исследований. Одним из важных статистических очерков является работа Константина Викторовича Лаврского (1844–1917) «Татарская беднота: Статистическо-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии», в которой он описал статистические исследования жизни бедных татар деревни Степное Озеро и Кривое Озеро Чистопольского уезда Казанской губернии.

Статистическое описание К.В. Лаврский в своей работе начинает с того, что, проанализировав 200 дворов деревни Степное Озеро, он выявил статистику отсутствия стекла в окнах бедных татар и замену их пузырями – по его сведениям стекла отсутствуют в 32 домах из 200 (16%) [2, с. 17].

Проанализируем представленные планировки и внутреннее убранство бедных татар, содержащиеся в описании домов деревни Степное Озеро. Вот, к примеру, описание одного из таких домов: «Печь и нары составляли столько свободного пространства, чтобы сделать буквально два шага от входа до нары и два шага перед печью, во время стряпни. Окон в настоящем смысле в избе не было: их заменяли три отверстия следующих размеров: 7*10 вершков¹ – одно; 7*12 вершков – другое; 9*13 вершков – самое большое. Хотя все они топятся «по белому» но в сущности тоже черные: печи дымят, починить не на что» [2, с. 25]. Из описания одного бедного дома татар можно понять, что они были довольно маленькими, а из мебели присутствовали лишь традиционные татарским домам нары, а не стулья или столы.

Следующий описываемый дом принадлежал Негматулле Тохватуллину. Внутреннее устройство его жилища состояло лишь из квашни², доски для

¹ 1 вершок = 4,445 см.

² Квашня – деревянная или глиняная кадушка для приготовления теста.

стряпни и двух или трех чашек. К.В. Лаврский подмечает, что в данном доме не было даже самовара из жести, хоть это «обычная принадлежность и самой бедной татарской семьи» [2, с. 26]. Еще один описываемый дом принадлежит бесхозьяйному (безземельному) Мухамету Назырову, и в его избе кроме одной подушки, кадки или квашни и нескольких штук посуды ничего не было [2, с. 29].

Последний дом, в котором присутствует описание внутреннего убранства жилища, принадлежал вдове с двумя маленькими детьми. По повествованию автора изба находилась в плачевном состоянии и практически разваливалась, так «брат покойного мужа этой вдовы объяснил, что он не позволяет ей поправлять избу, потому что дворовое место принадлежит теперь ему, а он не желает, чтобы вдова навеки тут оставалась». Автор пишет, что даже пол в избе сгнивший и в щели между досками «ногу можно просунуть, дети должны перешагивать через эти щели». Мебель и декор дома состоял из следующих предметов: «одна подушка, два полушубка, кадочка в углу, на ней доска, на доске самовар из жести, чайная чашка и чайник, на полу металлический кувшин для омовений, около печи два-три предмета из кухонной посуды» [2, с. 31].

Исходя из описания интерьера бедных татар Казанской губернии ясно, что имеющаяся мебель и предметы декора достаточно скудны и малочисленны, но все же даже у бедных татар остаются характерные для татарского народа нары и самовары.

Мы рассматривали несколько групп волго-уральских татар: казанских татар, тептярей, мещеряков. В работе Н. Попова «Сведения о нижегородских татарах в Казанский губернский статистический комитет» содержатся сведения о нижегородских татарах, в том числе краткие сведения о внутреннем жилище. Различие жилищ нижегородских татар от казанских, по описанию автора, состояло в том, что у их домов на задней стене делалось только одно окно, а на боковой стороне домов два или три окна. Примечательно, что и у мишарей, по описанию Е.А. Малова, на задней стене также было лишь одно окно. При этом избы были обычно черные, то есть печи у многих нижегородских татар черные (без труб), и в них не было вмазанных котлов. Также автор отмечает, что быт и интерьер нижегородских татар был достаточно прост, тогда как у казанских татар интерьер более изысканный [7, с. 10].

Следующей изученной подгруппой татар Поволжья и Приуралья являются малмыжские татары, рассмотренные историком и этнографом Николаем Павловичем Штейнфельдом. Описание жилища в работе Н.П. Штейнфельда «Малмыжские татары, их быт и современное положение» начинается с описания планировки, а именно – автор упоминает, что все дома малмыжских татар были построены по одному типу и изба всегда разделялась на две половины деревянной перегородкой. Как мы можем заметить, другие современники также отмечали разделение двух половин, но писали о том, что в каждую из половин ведет отдельная дверь или они разделены между собой занавеской, а не деревянной перегородкой. Передняя комната, по описанию автора, представляла собой мужскую комнату и приемную, а за перегородкой находилась женская половина. В женской половине «стоят самовары, висит одежда, хранится кухонная посуда, постельные принадлежности и прочее имущество» [14, с. 252]. Если в доме малмыжских татар имелось несколько комнат или изба была выстроена в две половины, то по повествованию Н.П. Штейнфельда «женщин

отправляют на их половину и гости могут прожить здесь хоть целую неделю, не выдав ни жены, ни дочерей хозяина, да и сам хозяин редко сходится со своей семьей» [14, с. 253].

Среди домов малмыжских татар встречались и двухэтажные дома, верхний этаж которого всегда оставался нежилым и чистым, и именно там обычно принимали гостей. На первом этаже хранилось ценное имущество, посуда и самотвары, парадные костюмы, расстилались ковры и войлок, а на нарах «лежат новые подушки и перины в пестрых наволочках безукоризненной чистоты». Особое внимание Н.П. Штейнфельд придает тому факту, что в домах татар висело множество зеркал и часов. Как отмечает автор, для татар часы имели не столько практическую роль, так как время они могли узнать по ежедневным мусульманским азанам, сколько использовались для красоты и могли «забавлять татар просто в качестве хитрой игрушки» [14, с. 294-295].

Обстановка татарских жилищ не всегда носила восточный характер, постепенно дома малмыжских татар все больше обставлялись на русский образец: заводили стулья, обклеивали стены обоями, стали покупать лампы, зеркала и т.п. При этом оставались традиционные татарские и восточные предметы мебели и декора – персидские, бухарские или туркменские ковры и бесчисленное количество подушек и перин [14, с. 295]. Кроме этого, в домах татар можно было встретить приспособления для омовения: громадный медный или железный таз, стоящий на полу и поставленный на него кувшин красивой формы, в восточном вкусе [14, с. 269].

Также в своей работе Н.П. Штейнфельд кратко раскрывает убранство крещенных татар и пишет об идентичности их интерьера дома с интерьером домов татар-мусульман – «внутреннее устройство домов крещенных татар, убранство комнат, посуда, обилие перин, подушек и войлока представляет собою точную копию с картины быта татар-мусульман» [14, с. 283]. Татары-кряшены являются еще одной подгруппой татар Поволжья и Приуралья, но сведений об их материальном быте достаточно мало, хоть ранее мы писали о кратком упоминании их внутреннего устройства в работе Н.П. Штейнфельда про малмыжских татар.

Из работ последующего периода нельзя не отметить этнографический очерк инспектора народных училищ Николая Николаевича Одигитриевского (1865–1916) «Крещенные татары Казанской губернии». Его работа содержит ценный материал о хозяйственном быте, интерьере жилищ кряшен Лаишевского и Мамадышского уездов. Описывая внутренний быт крещенных татар, автор сопоставляет его с бытом татар-мусульман и отмечает общие традиции и различия по устройству жилища.

Сравнивая внутренние убранство татар-мусульман и крещенных татар, Н.Н. Одигитриевский пишет, что у первых основной мебелью в доме являлись нары, а столы и стулья к концу XIX века использовались лишь в домах наиболее зажиточных татар; в домах же татар-кряшен столы «считаются необходимостью и обычной принадлежностью» [6, с. 7-8] и практически в каждом доме используются они, а не нары.

Как известно, отличительным различием между татарами-кряшенами и другими группами татар является религия: крещенные татары исповедуют православие, в то время как другие подгруппы татары исповедуют ислам. Различие в религии наносит отпечаток на различие в интерьере и предметах декора

жилищ. К примеру, Н.Н. Одигитриевский отмечает, что в большинстве домов татар был кувшин (*кумган*) и таз, которые использовались для религиозных пятикратных омовений, но в домах крещеных же татар – особенно в домах, где есть «татарсымаки, т.е. придерживающиеся мусульманства», также нередко можно было встретить данные предметы, но назначение их было другое: кувшин и таз служили для обычного (не религиозного) омовения лица и рук. Заметным отличием интерьера дома крещенного татарина являлось наличие иконы с божницами, которых, естественно, не было в домах татар-мусульман. Правда, по описанию автора, и в домах крещеных татар иконы иногда отсутствовали, но это уже считалось исключением [6, с. 8].

Несмотря на столь существенные отличия во внутреннем обустройстве домов татар и крещенных татар, Н.Н. Одигитриевский всё же отмечает и ряд общих черт интерьера дома. Во-первых, у всех крещеных татар использовались нары, как и в домах татар-мусульман, и на этих нарах «расстилаются войлоки и складываются подушки и перины». Во вторых, стены домов, как у крещеных, так и у татар-мусульман украшались полотенцами, называемыми «*бистяр*». И в третьих, дома крещенных, также как татарские дома, разделялись на две половины, лишь у наиболее бедных, жилое помещение состояло из одной сплошной, ничем не отгороженной комнаты [6, с. 8].

Анализ дореволюционной историографии XX века мы начнем с работы доктора медицины Алексея Андреевича Сухарева – «Казанские татары (уезд Казанский): опыт этнографического и медико-антропологического исследования». В первую очередь, автор отмечает что дверь в избу открывалась внутрь, окна довольно маленькие, а у бедных татар вместо стекол продолжали использовать шкуры или тряпка, окунутая в постное масло [11, с. 28]. Описание домашнего скарба схоже с описанием автора XVIII века К.С. Мильковича: небольшое число поваренной, столовой, чайной посуды, сундуки, ковры, войлоки, или циновки, а иногда и тюфяки. Как отмечает А.А. Сухарев, «внутри избы довольно пусто», впереди у окон находились нары, над которыми на шесте развешивались полотенца. Справа по стене у потолка была полка и на ней были одна или две книги, кроме этого отсутствовали столы, лавки, стулья [11, с. 28]. Стены же по описанию автора ничем не покрывались, иногда и на стене могли висеть божественные по исламу картины, а над входной дверью висел листок с молитвой (т.е. шамаиль). Кроме этого, А.А. Сухарев отмечает, что почти во всех домах было подполье, для хранения продуктов, и дома татар делились на 2 половины, где женская половина находилась за печкой [11, с. 28-29].

Еще одним источником начала XX века по быту и интерьеру татар является работа историка, доктора богословия Петра Васильевича Знаменского (1836–1917) «Казанские татары». Также как А.А. Сухарев, П.В. Знаменский отмечает, что двери открывались не в сени, как в русских домах, а внутрь избы. Как и в других источниках, автор в первую очередь отмечает, что каждый «порядочный, не бедный деревенский дом разделяется на две части, переднюю жилую и заднюю рабочую или черную, между которыми расположены обширные сени». Передняя жилая изба, кроме того, разделялась перегородкой на два отделения – мужское и женское, с отдельными дверями. Любой татарский дом делился на 2 половины, и «даже в маленькой лачуге, которую никак нельзя разгородить надвое, для жены хозяина непременно отделяется по крайней мере

небольшой угол за печью, закрытый занавеской, где она и скрывается от глаз посторонних мужчин» [1, с. 5].

Характеризуя планировку дома, автор пишет, что печь, как и у русских, размещалась при входе в избу, в нее был вмазан котел для приготовления пищи. При этом у многих он же служил для стирки белья – отметим, что этот факт впервые отмечается из всех проанализированных источников. На печи или за ней обычно стояло два жестяных или медных кумгана-кувшина с узкими горлышками и длинными носами [1, с. 5-6]. За печью находился большой медный таз и два полотенца: одно для рук, другое для ног.

Из мебели в доме находились широкие нары, можно было также увидеть и столы. П.В. Знаменский отмечает, что у татар стол ставился сбоку у бокового окна избы, в то время как у русских стол занимал почетный угол. На нарах расставлялись мягкие пуховики, подушки и перины, которые у бедных заменялись войлоком. К обязательному декору большинства татарских домов относилось наличие самовара и ярко расписанной чайной посуды, также красные или зеленые сундуки, обитых цветно-раскрашенной жестью, и ковры и циновки, которыми покрыты полы [1, с. 6].

Еще одним дореволюционным источником, где содержатся сведения о происхождении казанских татар, их жизни, быте и традициях, а также описание интерьера их жилища, является историко-этнографический очерк священика Аристарха Сперанского.

В своей работе А. Сперанский характеризует внутреннюю планировку дома как менее богатых, так и зажиточных татар. Он пишет, что справа от двери в горницу стояла большая печь с небольшим котлом. На печи стояли два медных кувшина, а за печью, в углу, большой медный таз для умывания, над которым висели два полотенца. Автор также отмечает наличие широких нар «с довольно пышными перинами которые, если нет занавеса, свертываются и кладутся у стены» [10, с. 12].

Различие с другими анализированными источниками в том, что автор пишет о наличие двух столов: первый стоял напротив двери и покрывался скатертью с маленьким зеркалом, второй же стоял слева и на нем устраивались чайные приборы, миски и несколько подносов, самовар же всегда стоял у печи. По описанию автора, между столами располагали «красиво обитые и прокрытые коврами сундуки» [10, с. 12-13], которые служили своего рода украшением дома. Простые деревянные стулья тоже использовались в татарских домах, их обычно расставляли около стен. Из декора в татарских домах присутствовали зеркала, ковры и горшки с бальзаминами и душистыми базиликами на подоконниках. Последнее, что характеризует А. Сперанский об интерьере простых мещанских домов – это то, что в задней половине сеней находилась небольшая комната без печи и там лежали шубы, платье и разные домашние пожитки, а летом спали хозяева [10, с. 12].

Рассмотрим характеристику А. Сперанским дома богатых татар. В первую очередь, автор отмечает, что дома богатых татар отличались только тем, что их интерьер более роскошен. Стены расписывались масляными красками, иногда на них изображались целые ландшафты с деревьями, цветами, море с кораблями и т.п. На этот же факт указывал Карл Фукс [12, с. 11-12]. Согласно А. Сперанскому, в комнатах присутствовала мягкая мебель с зеркалами-трюмо, на полах расстилали персидские ковры, расставляли цветы на подоконни-

ках, комнаты украшали люстрами, часами и клетками с египетскими голубями [10, с. 13].

Таким образом, можно сделать вывод, что дореволюционный период обусловлен процессами постепенного накопления материала по культуре и быту татар волго-уральского региона. К сожалению, большинство перечисленных выше источников не содержат в себе подробных описаний внутреннего убранства и пригодны лишь для сопоставительного анализа, так как жилище татар Поволжья и Приуралья в дореволюционный период исследовалось путешественниками, этнографами и учеными лишь в контексте общего анализа традиционной материальной и духовной культуры. Несмотря на это, на основе анализа дореволюционных источников можно воссоздать обобщенный образ интерьера бедных, зажиточных и богатых татар.

Список литературы

1. Знаменский П. Казанские татары. Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1910. 67 с.
2. Лаврский К.В. Татарская беднота: Статистическо-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии. Казань: Тип. губ. правления, 1884. 43 с.
3. Малов Е.А. Сведения о мишарях: этнографический очерк. Казань, 1885. 79 с.
4. Народы России: этнографические очерки // Природа и люди. СПб, 1880. 648 с.
5. Насыри К. Избранные произведения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 256 с.
6. Одигитриевский Н.Н. Крещеные татары Казанской губернии: этнографический очерк. М: Печатня А.И. Снегиревой, 1895. 65 с.
7. Попов Н. Сведения о нижегородских татарах в Казанский губернский статистический комитет. Казань: [Б.и.], 1895. 17 с.
8. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 2. 334 с.
9. Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань: Издание книготорговца Дубровина, 1856. 67 с.
10. Сперанский А. Казанские татары: историко-этнографический очерк. Казань, 1914. 30 с.
11. Сухарев А.А. Казанские татары: опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. 125 с.
12. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. 131 с.
13. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского Губернского Правления, 1859. 472 с.
14. Штейнфельд Н.П. Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894. Вятка, 1893. С. 228–319.

References

1. Znamenskij P. Kazanskie tatary. Kazan': Tipolit. Imp. un-ta, 1910. 67 s.
2. Lavrskij K.V. Tatarskaya bednota: Statisticheskoe-ekonomicheskij ocherk dvuh tatarskih dereven' Kazanskoj gubernii. Kazan': Tip. gub. pravleniya, 1884. 43 s.
3. Malov E.A. Svedeniya o misharyah: etnograficheskij ocherk. Kazan', 1885. 79 s.
4. Narody Rossii: etnograficheskie ocherki. *Priroda i lyudi*. SPb, 1880. 648 s.
5. Nasyri K. Izbrannye proizvedeniya. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1977. 256 s.
6. Odigitrievskij N.N. Kreshchenye tatary Kazanskoj gubernii: etnograficheskij ocherk. M: Pechatnya A.I. Snegirevoj, 1895. 65 s.
7. Popov N. Svedeniya o nizhegorodskih tatarah v Kazanskij gubernskij statisticheskij komitet. Kazan': [B.i.], 1895. 17 s.
8. Rittih A.F. Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. Kazan', 1870. CH. 2. 334 s.
9. Sboev V.A. O byte krest'yan v Kazanskoj gubernii. Kazan': Izdanie knigotorgovca Dubrovina, 1856. 67 s.
10. Speranskij A. Kazanskie tatary: istoriko-etnograficheskij ocherk. Kazan', 1914. 30 s.
11. Suharev A.A. Kazanskie tatary: opyt etnograficheskogo i mediko-antropologicheskogo issledovaniya. SPb., 1904. 125 s.
12. Fuks K. Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyah. Kazan', 1844. 131 s.
13. SHEREMSHANSKIY V.M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozyajstvenno-statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyah. Ufa: Tip. Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya, 1859. 472 s.
14. SHtejnfel'd N.P. Malmyzhskie tatary, ih byt i sovremennoe polozhenie. *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1894*. Vyatka, 1893. S. 228–319.

Сведения об авторе: Алия Фаридовна Сафиулова, студент магистратуры Института международных отношений, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Пушкина 1/55), e-mail: aliya.safiulova.27@gmail.com.

About the author: Aliya F. Safiulova, Master student of the Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University (420111; st. Pushkina 1/55, Kazan, Russian Federation), e-mail: aliya.safiulova.27@gmail.com

Дата поступления 20.06.2023
Принят к публикации 20.11.2023

Received June 20, 2023
Accepted for publication November 20, 2023

УДК 94:930.1

ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Б.Р. Фахрутдинов

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Bahtiyar.Fahrutdinov@tatar.ru

Резюме. Анализ отечественной исторической теории, гипотез и практик исследований, посвященных этногенезу современного татарского народа Волго-Уральской группы (как основной субэтнической группы татар), показывает, что проблема этногенеза и этнической истории татар должна решаться на основе комплексного подхода, то есть совместными усилиями этнологов, историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Сегодня нужны новые подходы по изучению этногенеза и этнической истории татар Поволжья и Приуралья, так же как собственно всех этнотерриториальных групп татарского народа на основе комплексного подхода с учетом научных исследований представителей всех смежных дисциплин.

Ключевые слова: этногенез, татары, российская историография, идентичность татарского народа.

Для цитирования: Фахрутдинов Б.Р. Перспективы и задачи исследования проблем этногенеза татар Поволжья и Приуралья. *Туркологические исследования*. 2023;6(4):30–36.

PROSPECTS AND OBJECTIVES OF THE STUDY OF THE PROBLEMS OF ETHNOGENESIS OF THE TATARS OF THE VOLGA REGION AND THE URALS

B.R. Fakhrutdinov

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Bahtiyar.Fahrutdinov@tatar.ru

Abstract. The analysis of the Russian historical theory, hypotheses and research practices devoted to the ethnogenesis of the modern Tatar people of the Volga-Ural group (as the main subethnic group of Tatars) shows that the problem of ethnogenesis and ethnic history of the Tatars should be solved on the basis of an integrated approach, that is, through the joint efforts of ethnologists, historians, linguists, archaeologists and representatives of other related disciplines. Today, new approaches are needed to study the ethnogenesis and ethnic history of the Tatars of the Volga region and the Urals, as well as all ethnoterritorial groups of the Tatar people on the basis of an integrated approach, taking into account scientific research by representatives of all related disciplines.

Keywords: Ethnogenesis, Tatars, Russian Historiography, Identity of the Tatar people.

For citation: Fakhrutdinov B.R. Prospects and Objectives of the Study of the Problems of Ethnogenesis of the Tatars of the Volga Region and the Urals. *Turkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(4):30–36. (In Russ.)

Анализ отечественной исторической теории, гипотез и практик исследований, посвященных этногенезу современного татарского народа Волго-Уральской группы (как основной субэтнической группы татар), показывает, что проблема этногенеза и этнической истории татар должна решаться на основе комплексного подхода, то есть совместными усилиями этнологов, историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Важно, при этом, отметить, что этнология (этнография), история, лингвистика, археология обладают собственным объектом и методами исследования, перед каждой из названных смежных наук стоят определенные специфические задачи. Так, лингвисты исследуют этно-языковые общности и корни татар, которые издавна пользовались системой общетюркской письменности и речи. Археологи в этнической истории придают первостепенное значение носителям археологических культур и археологических памятников. Для историков приоритетным является анализ письменных источников. Для этнологов одним из ключевых становится фактор формирования национальной идентичности. Очевидно, что такие подходы отражают различные стороны этногенеза и задача современных исследований заключается в максимальном, в то же время корректном использовании результатов, которые позволят полнее реконструировать исследуемое явление.

В этой связи приоритетной становится задача формирования концепции единой идентичности татарского народа как единой татарской нации без деления на субэтноты нации, традиция которой сложилась в советской исторической науке, советской этнографии и политологии. Надо признать, что представители национальной интеллигенции XIX - начала XX вв. (Ш. Марджани, Х. Фаизханов, К. Насыри, С. Максуди, З. Валиди, Ю. Акчура, Р. Фахретдинов, Г. Исхаки, Г. Губайдуллин и др.), которые в той или иной форме были причастны к формированию исторической памяти татарского народа в своих трудах по истории и культуре татарского народа, никогда не писали об отдельных этнографических группах татарской нации и диалектах татарского языка. Такая традиция в основном сложилась в русскоязычной литературе, и сформировалась в трудах историков, этнографов и филологов советского периода [10; 5; 11; 6 и др.]. Окончательное оформление такого подхода по выделению самостоятельных субэтнических групп татарского народа и деление татар на «казанских», «мишарских», «сибирских», «астраханских» и др. произошло в послевоенное время. Именно в таком виде она была сформирована в коллективной монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», изданная в 1967 г. под руководством этнографа Н.И. Воробьева [9]. В последние годы предпринимается попытка дальнейшего искусственного деления татарского этноса. Свидетельством этого являются последняя перепись населения РФ, где в отдельные субэтноты выделены многочисленные группы татар.

Надо признать, что в свое время, в XIX- нач. XX вв. мишари, астраханские татары, касимовские татары и др. имели ряд особенностей в языке (диалекты) и культуре (например мишари, астраханские и сибирские татары не праздновали сабантуй). Однако сегодня такие различия в основном исчезли. Существует единый татарский литературный язык, отсутствуют диалекты. Например, разница между чокающими мишарами и казанскими татарами не более чем, между акающими и окающими русским. Поэтому уместно говорить не о диалектах современного татарского языка, а его говорах. Современный

татарский этнос является этнически единым, с единой культурой и единым самосознанием. Его деление является не этническим, а лишь территориальным.

Одним из актуальных и дискуссионных является вопрос о тюркизации Поволжья и Приуралья, который привлекает внимание историков, археологов и лингвистов. Следует заметить, что решение этой проблемы невозможно без решения такого важного вопроса как локализация прародины древних тюрков. На сегодняшний день нет единой точки зрения о времени существования и языковой принадлежности древней алтайской общности. Однако общепринято считать, что прародиной тюркских племен в конце I тыс. до н.э. был Алтай и Центральная Азия. Речь идет об археологических памятниках Пазарыкского типа Горного и Центрального Алтая (археологические культуры Минусинской котловины, Тувы и Забайкалья), исследованных талантливым этнографом и археологом С.И. Руденко [7; 8], не связавшим, однако, этот материал ни с тюркским, ни с иным этническим миром. По мнению ряда исследователей (Ф.Х. Валеев и Р.Г. Фахрутдинов) в материалах, обнаруженных в курганах Пазарыкского типа, прослеживаются ярко выраженные формы и средства тюркского декоративно-прикладного искусства [3; 12].

До сих пор нет единого мнения среди археологов и историков об этническом происхождении носителей именьковской культуры, культуры, которая непосредственно предшествовала болгарской.

Отметим, что проблема времени тюркизации Поволжья требует широких археологических исследований с привлечением данных палеолингвистики и внимания со стороны тюркологов.

Пристальное внимание должно быть уделено вопросам этнической принадлежности самих болгар, особенно раннего периода. Речь идет о салтово-маяцкой культуре. В свое время А.П. Смирнов считал, что носители салтовской культуры по своей культуре – сармато-аланы, а по языку – тюрки. Необходимы дополнительные историко-лингвистические, археологические, а также искусствоведческие исследования для сравнительного анализа этой культуры с культурой Волжской Булгарии.

Среди историко-археологических перспективных задач представляется проведение широких и многолетних исследований по составлению полного Корпуса памятников историко-культурного наследия татарского народа и всех его субэтнических групп эпохи средневековья.

В свое время был составлен Свод археологических памятников Волжской Булгарии и Казанского ханства, включивший в себя 1855 различных археологических памятников Среднего Поволжья. Новый Корпус памятников должен охватить многие регионы России и включить в себя памятники историко-культурного наследия татарского народа эпохи раннего (Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты, Волжская Булгария), развитого (Золотая Орда) и позднего средневековья (Казанское, Астраханское, Касимовское, Сибирское). Структура Корпуса предусматривает включение наиболее значительных памятников – остатки городов, определенное число городищ, представлявших собой наиболее характерные остатки малых городов, военных крепостей, почти все (помимо фрагментарных) оборонительные укрепления в виде валов; наиболее известные селища, грунтовые могильники, все эпиграфические памятники (древнетюркские, болгарские и татарские), как отдельные эпитафии, так и кладбища с подобными памятниками, клады монет и вещей домонголь-

ского и золотоордынского периодов. В Корпус также могут быть включены полные сведения об источниках соответствующих периодов и государственных образований, как отечественных, так и зарубежных. Как итог, возможно издание фундаментального многотомного труда «Корпуса памятников историко-культурного наследия татарского народа».

Одним из актуальных на сегодняшний день является задача изучения памятников Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов. По мнению ряда исследователей (В.Х. Хаков) язык орхон-енисейских памятников наиболее близок к современному татарскому языку, хотя С.Е. Малов считал его огузским. Необходим тщательный и всесторонний лексический и семантический анализ письменности орхонской руники со стороны лингвистов-тюркологов.

Важным представляется также вопрос соотношения языка и этноса. Как известно, исторически сложившиеся отношения языка и этноса сложны в пространстве, когда лингвистический ареал не всегда совпадает с этническим. Такими же сложными они бывают и во времени, когда лингвистическая и этническая преобразования не тождественны. В связи с этим, актуальной является задача изучения вопроса роли кипчаков в этногенезе татарского народа. Кипчакская основа современного татарского языка сегодня мало кем оспаривается. Кипчаки сыграли в большей или меньшей степени ведущую роль в формировании многих тюркоязычных народов Евразии: татарского народа и всех его этнотерриториальных групп, крымских татар, башкир, казахов, киргизов, ногайцев и др. При всем при этом, кипчакский мир был очень обширным и этнически не однородным. Под «кипчакским» миром в исторической литературе подразумевается в целом весь южный тюркский кочевой мир Восточной Европы и Западной Азии, известный более под названием «Дешт-и-Кипчак». Этот кочевой мир и стал впоследствии этнической основой Улуса Джучи.

Необходимо учитывать значительную долю финно-угорского компонента в этногенезе казанских татар, начиная с добулгарских времен и заканчивая эпохой Нового и Новейшего времени. Очевидна необходимость комплексного исследования и этой научной проблемы при обязательном участии историков, археологов и лингвистов.

Большие задачи стоят перед историками-медиевистами. Вся совокупность богатых исторических источников разных категорий и регионов (восточных, русских, западноевропейских и местных) требуют дополнительных исследований. Эти источники должны быть оценены с точки зрения постановки и решения проблем этногенеза всех этнотерриториальных групп современного татарского народа. При этом необходимо уделить особое внимание малоизученным проблемам этнической истории эпохи развитого и позднего Средневековья (Золотая Орда, Казанское ханство и др. постордынские государства). Применительно к Казанскому ханству возникает, например, необходимость решения вопроса о т.н. «чуваша» Заказанья, зафиксированных в русских летописях и писцовых книгах. В свое время Е.И. Чернышев высказал мнение о том, что летописные «чуваша» являлся не этническим, а социальным термином для обозначения ясачных татар, в отличие от служилых татар. Для полного решения этого вопроса необходимы коллективные усилия историков и лингвистов.

Наконец, этногенез татар Поволжья и Приуралья, как и любого этноса, нельзя рассматривать изолированно от общей этнической истории народов Восточной Европы, прежде всего, своих ближайших соседей. Проживающие

в Поволжье и Приуралья народы (русские, башкиры, чувашы, марийцы, удмурты, мордва), несмотря на их различную языковую принадлежность, имеют ряд общих черт в материальной и духовной культуре. Все это позволяет включить их в общий хозяйственно-культурный тип.

Этническая история этих народов, в т.ч. и татарского народа, представляется как результат сложных этнополитических процессов и культурного взаимодействия также с народами Восточной Европы и Урала, Казахстана и Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья.

Дополнительной проработки требует так же активизация научных междисциплинарных исследований и последующих периодов этнической истории татарского народа. Это период после присоединения Казанского ханства к Русскому государству (вторая половина XVI - первая половина XIX века), время дальнейшей этнической консолидации татар и их взаимодействия с другими народами и регионами. А также вторая половина XIX – начала XX вв. Это период формирования татарской политической нации и национальной идентичности.

В последнее время все более популярной становится изучение генетической структуры популяции по данным гаплогрупп в формировании народов. По исследованиям Балановского О.П., Балановской Е.В. и др. [1] исследователей. На сегодняшний день изучены генофонды популяций крымских, поволжских и сибирских татар. По результатам исследования эти группы татар, с генетической точки зрения, оказались весьма разнообразными. Так, у поволжских татар преобладают гены, характерные для Приуралья и Северной Европы. Иногда встречаются также переднеазиатские и центральноазиатские линии. В генах крымских татар доминируют линии переднеазиатского и средиземноморского населения. Более разнообразные популяции сибирских татар. У одних преобладает сибирский компонент, а у других прослеживается генетика из Юго-Западной Евразии. По мнению исследователей, сочетание различных гаплогрупп характерно для населения Урало-Поволжья и севера Восточной Европы. Преобладание такого компонента указывает на сохранение в генофонде татар Поволжья дотюркского населения региона [2; 1].

Согласно этим исследованиям уровень генетических различий между субпопуляциями татар выше, чем, например, у чувашей и других народов Поволжья. Очевидно, что такого рода исследования так же имеют свою определенную научную значимость при изучении этногенеза народов Восточной Европы, в том числе и татарского народа.

Таким образом, очевидно, что сегодня нужны новые подходы по изучению этногенеза и этнической истории татар Поволжья и Приуралья, так же как собственно всех этнотерриториальных групп татарского народа на основе комплексного подхода с учетом научных исследований представителей всех смежных дисциплин.

Список литературы

1. Балановская Е.В., Агджоян А.Е., Жабагин М.К., Юсупов Ю.М., Схалыко Р.А., Долинина Д.О., Падюкова А.Д., Кузнецова М.А., Маркина Н.В. Атраментова Л.А., Лавряшина М.Б. Балановский О.П. Татары Евразии: своеобразие

генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология, 2016. №3: 75–85.

2. Балановский О.П. Генофонд Европы. М.: Тов-во науч.изданий КМК, 2015.

3. Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Татар.кн.изд-во, 1984.

4. Васильева Т.А., Петрова Н.В., Тимковская Е.Е., Ельчинова Г.И., Зинченко Р.А., Гинтер Е.К. Медико-генетическое изучение населения Республики Татарстан. Сообщение VI: Популяционно-генетическое изучение этногеографических групп татар (анализ девяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) // Медицинская генетика. Т.12. №5. 2013: С. 3–20.

5. Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-промышленной области // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.

6. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

7. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953.

8. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.;Л: Изд-во АН СССР. 1960.

9. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

10. Толстов С.П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.

11. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. Труды Ин-та этнографии АН СССР, Т. 7

12. Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа. Казань: Татар.кн.изд-во, 2021.

References

1. Balanovskaya E.V., Agdzhoyan A.E., Zhabagin M.K. , YUsupov YU.M., Skhalyako R.A., Dolinina D.O., Padyukova A.D., Kuznecova M.A., Markina N.V. Atramentova L.A., Lavryashina M.B. Balanovskij O.P. Tatory Evrazii: svoeobrazie genofondov krymskih, povolzhskih i sibirskih tatar. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya*, 2016. №3: 75–85. (in Russ.)

2. Balanovskij O.P. Genofond Evropy. М.: Tov-vo nauch.izdaniy KMK, 2015. (in Russ.)

3. Valeev F.H. Narodnoe dekorativnoe iskusstvo Tatarstana. Kazan': Tatar. kn.izd-vo, 1984. (in Russ.)

4. Vasil'eva T.A., Petrova N.V., Timkovskaya E.E., El'chinova G.I., Zinchenko R.A., Ginter E.K. Mediko-geneticheskoe izuchenie naseleniya Respubliki Tatarstan. Soobshchenie VI: Populyacionno-geneticheskoe izuchenie etnogeograficheskikh grupp tatar (analiz devyati polimorfnyh DNK-lokusov yadernogo genoma). *Medicinskaya genetika*. Т.12. №5. 2013: S. 3–20. (in Russ.)

5. Kuftin B.A. Tatory kasimovskie i tatory-mishari Central'no-promyshlennoj oblasti. *Kul'tura i byt naseleniya Central'no-promyshlennoj oblasti*. М., 1929. (in Russ.)

6. Muhamedova R.G. Tatory-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. M., 1972. (in Russ.)
7. Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. M.;L.: Izd-vo AN SSSR. 1953. (in Russ.)
8. Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1960. (in Russ.)
9. Tatory Srednego Povolzh'ya i Priural'ya. M., 1967. (in Russ.)
10. Tolstov S.P. Itogi i perspektivy etnologicheskogo izucheniya nacional'nyh grupp Nizhegorodskoj gubernii. *Kul'tura i byt naseleniya Central'no-promyshlennoj oblasti*. M., 1929. (in Russ.)
11. Trofimova T.A. Etnogenez tatar Povolzh'ya v svete dannyh antropologii. M.;L., 1949. Trudy In-ta etnografii AN SSSR, T. 7. (in Russ.)
12. Fahrutdinov R.G., Fahrutdinov R.R. Istoriya tatarskogo naroda. Kazan': Tatar.kn.izd-vo, 2021. (in Russ.)

Сведения об авторе: Фахрутдинов Бахтияр Раилевич, начальник отдела «Музей Пушечного двора» Музея заповедника «Казанский Кремль», e-mail: fbakh93@mail.ru

About the author: Fahrutdinov Bahtiyar Railevich, Head of the department "Museum of the Cannon Yard" of the Kazan Kremlin Museum Reserve, e-mail: fbakh93@mail.ru

Дата поступления 10.11.2023

Принят к публикации 11.12.2023

Received November 10, 2023

Accepted for publication December 11, 2023

УДК 303.446.4

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТУРЦИИ РАБОТАХ РОССИЙСКИХ И ТУРЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В.В. Аллабердин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
vilmur.allaberdin@bk.ru
ORCID: 0009-0006-9861-2989*

Аннотация. В данной статье анализируются труды ряда российских и турецких исследователей, посвященные деятельности представителей тюрко-татарской интеллигенции, которые находились в эмиграции в Турции в 1920–1940 гг. В работе представлены мнения учёных об особенностях складывания тюрко-татарских эмигрантских кругов, основных направлениях деятельности видных деятелей тюрко-татарской эмиграции, их политических взглядах и мировоззрении.

Ключевые слова: тюрко-татарская эмиграция, тюрко-мусульмане, история и историография тюрко-татарской эмиграции в Турции.

Для цитирования: Аллабердин В.В. Некоторые аспекты деятельности представителей тюрко-татарской эмиграции в Турции в работах российских и турецких исследователей. *Тюркологические исследования*. 2023;6(4):37–43.

SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF REPRESENTATIVES OF THE TURKIC-TATAR EMIGRATION IN THE WORKS OF RUSSIAN AND TURKISH RESEARCHERS

V.V. Allaberdin

*Kazan (Volga Region) Federal University
г. Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
vilmur.allaberdin@bk.ru
ORCID: 0009-0006-9861-2989*

Abstract. This article analyzes the works of a number of Russian and Turkish researchers devoted to the activities of representatives of the Turkic-Tatar intelligentsia, who were in exile in Turkey in 1920–1940. The paper presents the opinions of scholars on the peculiarities of the formation of Turkic-Tatar emigrant circles, the main directions of the activities of prominent figures of the Turkic-Tatar emigration, their political views and worldview.

Keywords: Turkic-Tatar emigration, Turkic-Muslims, history and historiography of Turkic-Tatar emigration in Turkey.

For Citation: Allaberdin V.V. Some Aspects of the Activities of Representatives of the Turkic-Tatar Emigration in Turkey in the Works of Russian and Turkish Researchers. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2023;6(4):37–43. (In Russ.)

Введение

После Великой Октябрьской революции многие великие деятели науки, искусства и политики, которые были представителями народов Волго-Уральского региона, вынужденно покинули свою Родину. Среди самых ярких представителей тюрко-татарской эмиграции можно назвать Гаяза Исхаки, Садри Максуди, Юсуфа Акчура и Заки Валиди [1].

В некоторых странах они были тепло приняты и, там они занимались общественно-политической, просветительской, писательской, журналистской и издательской деятельностью. Но, к сожалению, их труды на своей Родине после прихода к власти большевиков были в забвении. Поэтому в советской историографии им внимание не уделялось. Исследования деятельности тюрко-татарских эмигрантов проводили западные учёные.

С наступлением эпохи Перестройки появляется интерес российской общественности и специалистов к наследию тюрко-татарских эмигрантов, который сохраняется и в наши дни.

На сегодняшний день подробное описание деятельности представителей тюрко-татарской эмиграции представлено в таких трудах как «Творчество Гаяза Исхаки в период скитаний» [1] и «Г. Исхаки: Начальный этап творчества» [2] Сахапова М. Х., «Публицистическая деятельность Гаяза Исхаки» Гарифуллина В.З. [3], «Деятельность татаро-башкирских эмигрантских образований в 1900 – в начале 1930 годов» и «Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века 30-е годы» [4] Гайнетдинова Р. Б., «Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой республике» Гайнановой М.Р. [5] и «Заки Валиди Тоган» Байкара Тунджера. [6].

Обзор

Из числа российских исследований следует остановить внимание на монографии Рустема Бадретдиновича Гайнетдинова «Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века 30-е годы», которая была опубликована в 1997 году в издательстве Камский издательский дом. Это фундаментальное исследование, в котором собрана подробная информация о политической деятельности и организационной составляющей жизни тюрко-татарской эмиграции.

Р.Б. Гайнетдинов родился в 1957 году в Казани, закончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета и аспирантуру Высшей школы КГБ СССР, кандидат исторических наук (1994), член-корреспондент Российской Военно-исторической академии (2007) [7]. Он активно занимается научной и публицистической деятельностью, является специалистом по истории татарской диаспоры ближнего и дальнего зарубежья и истории Великой Отечественной войны (участие в ВОВ уроженцев Татарстана). Автор более 70 научных публикаций и двух книг [8].

В работе «Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века 30-е годы» анализ состояния татарских эмигрантских общин начато с Дальнего Востока, куда татары массово переселяются со времён строительства Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Р.Б. Гайнетдинов отмечает, что первая группа тюрко-татарских эмигрантов была направлена на Дальний Восток в конце XIX века и эта эмиграция носила «экономический» характер. Так многие татары вдоль железных дорог открывали своё дело, впоследствии став довольно зажиточной прослойкой населения. Далее он отмечает, что после 1917 г. и особенно после окончания Гражданской войны на Дальний Восток

уже пребывает вторая группа тюрко-татарских эмигрантов, которой пришлось покинуть страну по политическим мотивам. Покровительство японских правящих кругов сподвигло их к японофильским настроениям, в результате чего новая группа тюрко-татарских эмигрантов положительно отнеслись к японской экспансии. Враждебное отношение к Советской России, по словам автора, также подогревалось японским правительством. Однако, тюрко-мусульманская эмигрантская община на Дальнем Востоке не носило яркого антисоветского и политического характера.

Вторую часть своей книги Р.Б. Гайнетдинов посвятил, в основном, тюрко-татарским организациям в Европе и Турции. Автор заостряет внимание на том, что тюрко-мусульманская эмиграция на Западе и Турции организационно оформилось в основном за счёт татарских эмигрантов, покинувших Россию по политическим мотивам. Это придало тюрко-татарской эмиграции антисоветскую направленность. Также Р.Б. Гайнетдинов, отмечает, что страны Европы и Турцию татары считали своей «второй родиной» благодаря тому, что внесли свой вклад в их развитие.

Одним из достоинства исследования Р.Б. Гайнетдинова является то, что в нём приведены ранее неизвестные факты и использован большой пласт ценных исторических источников, извлечённых из советских архивов.

Творчество и наследие Гаяза Исхаки освещены в работах Минахмета Жамилевича Сахапова «Творчество Гаяза Исхаки в период скитаний» (2008) и «Г. Исхаки: Начальный этап творчества» (2003) и «Публицистическая деятельность Гаяза Исхаки».

Первая книга М. Ж. Сахапова «Г. Исхаки: Начальный этап творчества» посвящена личности Г. Исхаки, его пониманию хода истории, его взглядам на «национальную идею», его творчеству.

По словам автора, все произведения Г. Исхаки неразрывно связаны с его мировосприятием и пронизаны его идеологией. Например, анализируя его произведение «Инкыйраз, спустя двести лет», М. Ж. Сахапов отмечает, что в нём Исхаки предупреждает о возможности гибели нации. Что связано с изолированностью татарского общества и нежеланием меняться во имя прогресса.

Также автор упоминает о размышлении Г. Исхаки о негативных факторах условий жизни татарского народа, таких как кадимизм и многожёнство, которые можно заметить в произведении «Жизнь с тремя женами».

В другой своей монографии «Творчество Гаяза Исхаки в период скитаний» М.Ж. Сахапов также анализирует творчество Г. Исхаки, но уже эмигрантского периода. Автор отмечает, что озабоченность Г. Исхаки будущим татарской нации в эмиграции стала ещё сильнее.

Находясь в эмиграции, Г. Исхаки пишет следующие произведения: «Лукман хаким» (1923 г.), «Большой праздник» (1923 г.), «Жан Баевич» (1923 г.), «Дочь татарина» (1943 г.), «На пути свободы» (1946 г.), «Улуг Мухаммед» (1947 г.). Анализируя эти произведения, М.Ж. Сахапов приходит к выводу, что они являются творческим и политическим заявлением автора против исчезновения татарского народа.

Главная идея этих произведений – это защита татарского народа от вымирания и ассимиляции. В связи с этим, большее внимание М. Ж. Сахапов уделяет его исторической драме «Улуг Мухаммед». Так как в нём автор рассказывает о том, что когда-то население Волго-Уралья смогло создать сильное,

самостоятельное государство, и это является примером для потомков. Также главный лейтмотив этой исторической драмы автор видит в том, что народ не исчезнет, пока жива его историческая память.

Другой труд раскрывающий тему деятельности татар в эмиграции – это «Публицистическая деятельность Гаяза Исхаки», авторами которого являются В.З. Гарифуллина и А.З. Мубаракзянова (Издательство Казанского университета, 2014 г.).

В книге анализируется журналистско-публицистическая деятельность великого писателя, драматурга и публициста Г. Исхаки. В книге говорится, что татарская периодика создавалась многими преданными своему народу писателями и общественно-политическими деятелями, в том числе и Г. Исхаки. Авторы говорят о том, что в своих журнальных публикациях, в частности, в «Тан йолдызы» Г. Исхаки подвергает критике самодержавие. Он обвиняет царизм в создании преград татарскому народу на пути достижения демократии.

Авторы книги уделили отдельное внимание деятельности великого публициста за границей. Так, Г. Исхаки в эмиграции создаёт газету «Милли байрак», который будет выпускаться до 1945 г. в городе Мукден, а в Берлине издаёт Журнал «Милли юл» с 1928 по 1939 гг. Там он публикует свои труды, которые наполнены национальной идеей. Авторы монографии анализируют публикации Г. Исхаки, в которой он критикует большевистскую власть, которая являлась для него продолжением имперской политики самодержавия, от которой страдали коренные народы.

Деятельности Садри Максуди в эмиграции посвящена книга М.Р. Гайнановой «Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой республике», которая была издана в 2019 г. в издательстве «Казань».

В книге автор подробно описывает участие видного татарского деятеля Садри Максуди Арсала в политической и общественной жизни Турции. В книге говорится, что С. Максуди переехал в Турецкую республику по личному приглашению министра просвещения Турции Хамидуллы Супхи. М.Р. Гайнанова пишет, что С. Максуди становится одним из идеологов национального возрождения турецкой нации, являясь советником первого президента Турции Мустафы Кемали Ататюрка.

Автор приходит к выводу о том, что знания С. Максуди, его общественно-политический опыт, оказались полезны в деле национально-государственного строительства Турции и С. Максуди внёс большой вклад в развитие турецкого образования, науки и права.

В этом исследовании использовано множество ценных источников, которые представлены трудами самого С. Максуди, делопроизводственными документами, связанными с ним, а также воспоминаниями и публикациями в прессе [9].

Из зарубежных исследований следует обратить внимание на труд Байкара Тунджера «Заки Валиди Тоган». Эта работа была издана в 1989 году в Республике Турция в городе Анкара и вошла в серию «Великие турки». Эта книга о великом исследователе, выходец из Волго-Уральского региона Заки Валиди Тогане. Книга представляет собой концептуальный труд, который не оставит равнодушным соотечественников данной личности и исследователей его работ. В 1998 г. в Уфе в издательстве «Китап» был издан русский перевод данной работы.

Тунджер Байкара историк, выпускник факультета литературы в университете имени Ататюрка. Автор диссертационных исследований «Провинция Айдын в XIX столетии» (1966), «"Город" в турецкой истории до XI века».

Он после военной службы (1972–1973) поступил в университет Хаджеттепе. Здесь он работал ассистентом, лектором и доцентом (1973–1987), был заведующим кафедрой. В 1987 году назначен профессором истории Турецкой Республики на литературном факультете Эгейского университета. Здесь он занимал должность заведующего кафедрой истории Турции. В 1988–1996 гг. был директором Центра исследований и практики принципов и истории революции Ататюрка, а в 1988–1999 гг. руководителем этого отдела. Он является основным членом Турецкого исторического общества и Института исследования турецкой культуры.

Автор начал проявлять интерес к произведениям Заки Валиди в 1958–1959 гг., а с 1963 г. стал часто бывать на его занятиях.

В работе Т. Байкара «Заки Валиди Тоган» описана жизнь Валиди, его политическая, научная деятельность, политическое мировоззрение и годы скитаний в Европе, жизнь и деятельность в Турции. Описывая политическую деятельность Валиди в России, автор упоминает, что он относился к тем тюркам, которые вместо культурной автономии видели судьбу тюрко-мусульман России в конфедеративном устройстве и создании национальных автономий. И когда Валиди не смог осуществить свой замысел, ему пришлось эмигрировать через Иран и Индию в Европу и Турцию, где он занимался политическими и научными делами.

Автор подробно описывает его первые годы жизни в Турции, где З. Валиди часто посещал библиотеки и всецело отдавал своё время науке. Также автор заостряет внимание на участие Валиди в Турецком Историческом конгрессе, где он выступил с теорией противоречащей мнению многих видных турецких деятелей и даже самому Ататюрку. А именно – отрицал опустынивание Средней Азии, в результате чего древние тюрки заселяли Анатолию. Этим самым, по мнению автора, Валиди показывал, что он готов отстаивать своё мнение несмотря ни на что.

В Европе он занимался преподавательской деятельностью с 1932 по 1939 гг. В 1948–1970 гг. З. Валиди переживает период колоссального успеха. Это время автор описывает, как период создания его фундаментальных трудов, в том числе, и перевода «Дастана об огузе». Даже малая часть этих трудов Валиди, по словам Байкара, внесли его имя в список самых выдающихся исследователей.

Заключение

Таким образом, многие видные общественно-политические деятели, публицисты и писатели, которые были выходцами из Волго-Уральского региона, после Октябрьской революции и Гражданской войны в России оказались в эмиграции, и на многие годы они как их труды, оказались в забвении на Родине. Однако с началом демократизации в России их деятельность в эмиграции всё сильнее притягивает внимание исследователей в нашей стране и за рубежом. И на сегодняшний день имеются много крупных, фундаментальных работ, которые осветили историю и деятельность тюрко-татарской эмиграции. В этих работах прослеживается общественно-политическая деятельность многих видных выходцев из Волго-Уральского региона, и во многих публикациях

прослеживается мысль о том, что эта эмиграция во многом носила антисоветский характер. Авторы отмечают, что эмигранты в ходе своей общественно-политической деятельности внесли вклад в развитие стран, где им пришлось оказаться волею судьбы. Исследователи отмечают, что тюрко-татарские учёные, публицисты, журналисты и писатели не забывали о своей Родине, они посвящали свои работы и произведения своему народу. Также в данных исследованиях доминирует мысль о том, что тюрко-татарские деятели в эмиграции не боялись отстаивать свою общественно-политическую позицию.

Список литературы

1. Садыкова Л.Р., Салихов А.Г. История формирования татаро-башкирской диаспоры в Турции // Самарский научный вестник. 2022. № 1. С. 260–264.
2. Сахапов М.Ж. Творчество Гаяза Исхаки в период скитаний. Казань: Магариф, 2008. 294 с.
3. Сахапов М.Ж. Гаяз Исхаки: начальный этап творчества. Казань: Мастер Лайн, 2003. 83 с.
4. Гарифуллин В.З., Мубаракзянова А.З. Публицистическая деятельность Гаяза Исхаки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. 107 с.
5. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны: Кам. изд. дом, 1997. 159 с.
6. Гайнанова М.Р. Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.). Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019. 175 с.
7. Байкара Тунджер. Заки Валиди Тоган. Уфа: Китап, 1998. 328 с.
8. Журнальный мир [электронный ресурс] URL: <https://журнальныймир.рф/avtor/gajnetdinov-rustem> (дата обращения 08.12.2023)
9. Tuncer Baykara – biyografiya [электронный ресурс] URL: <https://www.biyografiya.com/biyografi/5353> (дата обращения 10.12.2023)
10. Хайрутдинов А.Г. Рецензия на монографию М.Р. Гайнановой «Общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турецкой Республике (1925–1957 гг.)» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. №10. С. 189–193.

References

1. Sadykova L.R., Salihov A.G. Istoriya formirovaniya tataro-bashkirskoj diaspori v Turcii. *Samarskij nauchnyj vestnik*. 2022. № 1. S. 260–264. (In Russian)
2. Sahapov M.ZH. Tvorchestvo Gayaza Iskhaki v period skitanij. Kazan': Magarif, 2008. 294 s. (In Russian)
3. Sahapov M.ZH. Gayaz Iskhaki: nachal'nyj etap tvorchestva. Kazan': Master Lajn, 2003. 83 s. (In Russian)
4. Garifullin V.Z., Mubarakzyanova A.Z. Publicisticheskaya deyatelnost' Gayaza Iskhaki. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2014. 107 s. (In Russian)
5. Gajnetdinov R.B. Tyurko-tatarskaya politicheskaya emigraciya: nachalo XX veka – 30-e gody. Naberezhnye Chelny: Kam. izd. dom, 1997. 159 s. (In Russian)
6. Gajnanova M.R. Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' Sadri Maksudi v Tureckoj Respublike (1925–1957 gg.). Kazan': Ins-t istorii im. S.H. Mardzhani AN RT. 2019. 175 s. (In Russian)

7. Bajkara Tundzher. Zaki Validi Togan. Ufa: Kitap, 1998. 328 s. (In Russian)
8. Zhurnal'nyj mir [elektronnyj resurs] URL: <https://zhurnal'nyjmir.rf/avtor/gaynetdinov-rustem> (data obrashcheniya 08.12.2023) (In Russian)
9. Tuncer Baykara – biografya [elektronnyj resurs] URL: <https://www.biyografiya.com/biyografi/5353> (data obrashcheniya 10.12.2023). (In Russian)
10. Hajrutdinov A.G. Recenziya na monografiyu M.R. Gajnanovoj «Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' Sadri Maksudi v Tureckoj Respublike (1925–1957 gg.)». *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. 2020. №10. С. 189–193. (In Russian)

Сведения об авторе: Аллабердин Вильнур Вакилович, магистрант Института международных отношений Казанского федерального университета (420111, Казань, ул. Левобулачная, д. 44), e-mail: vilnur.allaberdin@bk.ru

About the author: Allaberdin Vilnur Vakilovich, Master's student of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University (420111, Kazan, Levobulachnaya str., 44), e-mail: vilnur.allaberdin@bk.ru.

Дата поступления 4.12.2023
Принят к публикации 20.12.2023

Received in December 4, 2023
Accepted for publication December 20, 2023

УДК 391

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕПОДАВАНИЯ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ**

И.З. Нафиков

М.М. Асроров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
ilsur.nafikov@gmail.com
masudasrorov561@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуются современные информационные технологии и их применение в преподавании турецкого языка. Она рассматривает использование мультимедийных технологий для обогащения учебного процесса и повышения мотивации учащихся. Также обсуждается дистанционное обучение и его роль в преподавании иностранных языков, особенно турецкого языка, с фокусом на гибкость обучения и использование онлайн-платформ и виртуальных классов. Особое внимание уделяется применению виртуальной реальности (VR) и платформы Second Life в обучении турецкому языку, позволяющих создавать иммерсивные среды для практики языковых навыков и культурной адаптации. В статье также представлены международный опыт и инновационные решения. Кроме того, обсуждаются преимущества и вызовы при использовании современных информационных технологий в преподавании турецкого языка.

Ключевые слова: информационные технологии, иностранные языки, турецкий язык, дистанционное обучение, Second Life, виртуальная реальность.

Для цитирования: Нафиков И.З., Асроров М.М. Современные информационные технологии как инструмент преподавания турецкого языка: международный опыт и инновационные решения. *Тюркологические исследования*. 2023;6(4):44–51.

**MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES AS A TOOL
FOR TEACHING TURKISH: INTERNATIONAL EXPERIENCE
AND INNOVATIVE SOLUTIONS**

I.Z. Nafikov

M.M. Asrorov

*Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
ilsur.nafikov@gmail.com
masudasrorov561@gmail.com*

Abstract. This article explores modern information technologies and their application in teaching the Turkish language. It considers the use of multimedia

technologies to enrich the educational process and increase the motivation of students. Distance learning and its role in teaching foreign languages, especially Turkish, with a focus on learning flexibility and the use of online platforms and virtual classrooms are also discussed. Particular attention is paid to the use of virtual reality (VR) and the Second Life platform in Turkish language teaching, which allow creating immersive environments for the practice of language skills and cultural adaptation. The article also presents international experience and innovative solutions, as well as discusses the advantages and challenges of using modern information technologies in teaching Turkish.

Keywords: information technologies, foreign languages, Turkish language, distance learning, Second Life, Virtual reality.

For citation: Nafikov I.Z., Asrorov M.M. Modern Information Technologies as a Tool for Teaching Turkish: International Experience and Innovative Solutions. *Turkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(4):44–51. (In Russ.)

Введение

Современные информационные технологии становятся все более популярными в преподавании турецкого языка как иностранного. С помощью технологий учителя могут легко получить доступ к широкому спектру ресурсов для поддержки обучения и развития своих учеников. Использование современных информационных технологий позволяет наладить международное сотрудничество между профессионалами из разных стран для обмена передовыми практиками, опытом и инновационными решениями в преподавании турецкого языка как иностранного.

Результаты и обсуждения

В связи с ростом влияния технологического прогресса на общества сегодня представляется ряд требований к преподавателям. Они должны обладать компетенциями в области информационно коммуникативных технологий. Следовательно, актуальным становится пересмотр классических подходов к построению образовательного процесса, что предполагает создание информационно-коммуникативных образовательных сред и разработку новых методик обучения в условиях информатизации с использованием современных мультимедийных средств. Наиболее перспективными и популярными педагогическими технологиями в области преподавания иностранных языков являются мультимедиа-технологии, которые способны не только подготовить обучающихся к современным реалиям, но и повысить качество образования, делая его более эффективным. Поэтому мультимедийные технологии, к которым относятся ресурсы сети Интернет, приобретают все более важное значение в образовании, в том числе, обучении турецкому языку.

Использование мультимедиа при обучении турецкому языку может дать ряд преимуществ, таких как обеспечение более увлекательного и интерактивного процесса обучения, поддержка различных стилей обучения и предоставление визуальных и слуховых материалов, которые могут помочь в совершенствовании языковых компетенций.[1] Существуют различные мультимедийные инструменты, которые учителя могут использовать на своих занятиях по турецкому языку, такие как обучающие видеоролики, подкасты, интерактивные упражнения, анимация и игры. Данные инструменты не только помогают разнообразить классические уроки, но и повышают интерес и мотивацию студен-

тов к обучению турецкого языка. Однако важно отметить, что качество дизайна и сложность мультимедийных приложений, используемых во время занятий, должны соответствовать целевой аудитории, а образовательный мультимедийный контент должен быть разработан и представлен таким образом, чтобы привлекать внимание учащихся и поддерживать их цели обучения. Также крайне важно, чтобы учителя обеспечивали сбалансированный подход к обучению, сочетающий мультимедиа с другими методами обучения, чтобы максимизировать результаты обучения для изучающих турецкий язык.

Также, стоит уделить внимание тому, что использование мультимедийных средств при преподавании турецкого языка также может помочь создать более культурный опыт погружения в процесс обучения. Предоставляя учащимся турецкий язык доступ к мультимедийным ресурсам, демонстрирующим различные аспекты турецкой культуры, таким как турецкая музыка, фильмы и телешоу, учителя могут способствовать развитию культурного восприятия и повысить мотивацию учащихся к изучению турецкого языка. Кроме того, использование мультимедиа может способствовать интеграции аутентичного и современного использования языка в учебные материалы, что может помочь учащимся турецкий язык развить свои языковые навыки для практического использования в реальных ситуациях.[2] Таким образом, использование мультимедийных технологий при преподавании турецкого языка может создать увлекательный и культурно насыщенный процесс обучения, который помогает учащимся развивать свои языковые навыки и ценить турецкую культуру.

Говоря об использовании информационных технологий при преподавании стоит уделить внимание дистанционному обучению. В последние годы оно стало активно применяться как в высших учебных заведениях, так и в общеобразовательных школах. Дистанционное обучение представляет собой форму образования, которая осуществляется через удаленный доступ к образовательным ресурсам и коммуникативным инструментам посредством интернета. Оно позволяет учащимся получать знания и навыки, а также взаимодействовать с преподавателями и другими студентами без необходимости физического присутствия в традиционном учебном заведении. В Казанском (Приволжском) Федеральном Университете (КФУ) дистанционное образование поделено на Цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) и образовательную деятельность с использованием электронной информационно-образовательной среды *Microsoft Teams (MS Teams)*.

ЦОР представляет из себя электронный ресурс на котором преподаватели КФУ могут создавать и размещать собственные образовательные программы (курсы). Доступ к определенному курсу выдается через особый приватный ключ, после чего студенты могут приступить к обучению. Сначала студенты изучают теоретический материал по изучаемой теме, после чего должны пройти определенное тестирование, дополнительно преподаватели могут давать творческие задания и студенты могут обсуждать их на форуме данного курса. Данный формат имеет много преимуществ: система полностью автоматизирована, это означает, что баллы за пройденный тест выставляются автоматически и преподавателю не нужно самому проверять каждую работу, также студенты могут проходить курс в собственном темпе, они не ограничены времени занятия, дополнительно преподаватель может отслеживать сколько раз студент

заходил на ресурс и его прогресс по курсу. Стоит также упомянуть недостатки данного формата. При изучении иностранного языка, в частности турецкого, очень важно уделять внимание всем видам речевой деятельности: аудированию, говорению, чтению и письму. Однако при использовании ЦОР в основном прорабатывается аудирование и письмо, так как достаточно трудно отработать навыки чтения и говорения без прямого участия преподавателя. Это является одной из главных причин, почему при преподавании иностранного языка ЦОР используется лишь в качестве дополнительного ресурса.

Образовательная деятельность с использованием электронной информационно-образовательной среды *MS Teams* представляет из себя проработанную современную образовательную платформу. Данный инструмент предоставляет огромный спектр возможностей для проведения занятий в формате онлайн: создание и запись видеоконференций, уведомления о начале занятий, календарь для планирования, выдача задач (домашних заданий), возможность распределения студентов по командам, онлайн доска, создания событий, хранение документов текстового формата, совместная работа над документами и т.д. В международной практике также используются аналоги данного ресурса, такие как: *Zoom*, *Google Meet*, *Discord* и многие другие. *MS Teams* является отличным инструментом для преподавания иностранных языков в частности турецкого языка, потому что практически полностью имитируется занятие очного формата. Более того, большое количество языковых центров применяет данную практику ведь она удовлетворяет всем условиям для изучения и практики турецкого языка. Данный формат занятий имеет несколько преимуществ, например: студенты находятся в комфортной для себя обстановке, снижается уровень стресса, возможность обучаться из любой точки мира. Недостатки: необходимо обучить преподавателей и студентов работать с платформой, технические неполадки, сложность контролирования фокуса обучающихся на предмете. Стоит отметить, что преподавание с использованием электронной информационно-образовательной среды предпочтительно применяется лишь в условиях невозможности проведения занятия в традиционном виде.

Однако, с развитием информационных технологий и постоянным внедрением инноваций в образовательный процесс, возникли новые подходы к обучению, открывающие уникальные возможности для учащихся. Одним из таких подходов является обучение с применением технологий *3D-Virtual Learning Environments (3D-VLE)*. Виртуальная реальность предоставляет учащимся уникальную возможность погружения в виртуальные среды, которые воссоздают реалистичные ситуации и предлагают интерактивное взаимодействие. Это особенно полезно в обучении иностранным языкам, включая турецкий язык, поскольку учащиеся могут практиковать языковые навыки в иммерсивной и контекстуальной среде.[3]

На сегодняшний день существует очень мало исследований, в которых рассматривается использование *3D-VLE* для изучения иностранных языков. Прежде всего это связано с малым количеством квалифицированных специалистов, овладевших технологиями *3D-VLE*. Для решения данной проблемы был создан ряд проектов нацеленных на подготовку преподавателей. Например, проект *AVALON* был направлен на создание учебного курса для учителей, которые хотели бы расширить свои педагогические навыки, включив в них

работу в трехмерной виртуальной среде. Проект *AVATAR*, поддержанный Европейским союзом, предоставляет возможность как преподавателям, так и студентам ознакомиться с технологиями виртуальной реальности. Другой проект Европейского союза *Euroversity Project* направлен на поиск путей объединения учителей, специалистов и учреждений по всей Европе для использования современных окружений виртуальной реальности и внесения вклада в современное языковое образование. Еще один проект Европейского союза *CAMELOT* также ориентирован на преподавателей иностранных языков, предоставляет курсы повышения квалификации для учителей, чтобы обучить их цифровым навыкам 21-го века, необходимым для создания собственных специальных материалов в *3D-VLE* [4].

Одной из популярных платформ виртуальной реальности, применяемой в обучении турецкому языку, является платформа *Second Life*. Она представляет собой трехмерное виртуальное окружение, которое предлагает среду для изучения и преподавания иностранных языков. В отличие от традиционного языкового класса со стульями, партами, доской и иногда компьютерным оборудованием, виртуальные миры предоставляют пространство для опыта, в котором учащиеся учатся на практике и наблюдают за результатами своих действий, а также имитацию пространства, то есть возможность спроецировать имитацию трехмерного пространства или пространственного аспекта.

Виртуальные миры или как их еще называют метавселенные на подобии *Second Life* могут выполнять двойную функцию: они являются одновременно образовательным инструментом и иммерсивной учебной средой [5]. В них заложен огромный коммуникативный и дидактический потенциал. Это связано с тем, что изучающие язык могут встречаться с другими учащимися из разных стран и часовых поясов, следовательно, единственным видом коммуникации для них остается изучаем язык. Стоит отметить что, помимо прочего, виртуальные миры обеспечивают полное погружение в реальность изучаемого языка, полностью мультисенсорный и мультимедийный опыт общения, виртуальную аутентичность языка и коммуникативных действий, имитацию декораций для коммуникативных действий, обучение в любое время и в любом месте. Следует также обратить внимание на то, что виртуальные миры предлагают учителям и изучающим язык возможность вести аудио и видеозаписи. Записи позволяют учителям детально изучить успеваемость своих учеников как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения социальной коммуникации.

Для того чтобы изучить эффективность преподавания иностранных языков в *Second Life* был проведен эксперимент в Стамбульском Университете на факультете образования имени Хасана Али Юсея [4]. На протяжении 10 недель студенты Стамбульского Университета обучались 2 раза в неделю в виртуальном мире *Second Life*. В общем и целом в эксперименте приняли участие 36 студентов. После завершения эксперимента студенты прошли опрос касательно обучения в *Second Life*. Многие учащиеся отметили, что они смогли почти полностью адаптироваться к новому для них формату обучения приблизительно в течение первых двух недель. Приблизительно 78% участников эксперимента утверждают, что опыт приобретенный в процессе обучения

в виртуальном мире был довольно близок реальному опыту. Студенты также уделили много внимания тому, что их чувства (зрение, осязание, нахождения себя в пространстве) довольно близко соответствовали реальным и даже некоторые визуальные аспекты часто отвлекали их во время обучения. Однако также иногда встречались различные технические проблемы, которые мешали обучению, но несмотря на это большинство студентов оценивает данный эксперимент, как положительный опыт и утверждают, что это помогло им улучшить их языковые компетенции.

Кроме *Second Life*, существуют и другие виртуальные платформы и приложения, которые предлагают уникальные возможности для обучения турецкому языку. Например, существуют специализированные приложения, которые позволяют студентам изучать язык через виртуальные экскурсии, игры и интерактивные задания. Эти приложения предлагают разнообразные сценарии и ситуации, в которых студенты могут применять свои знания языка и развивать коммуникативные навыки.[6]

Несмотря на все преимущества, использование технологий виртуальной реальности в обучении турецкому языку также сопровождается некоторыми вызовами и ограничениями. Прежде всего, это связано с необходимостью наличия соответствующего оборудования и программного обеспечения, что может быть затратным и требовать специальной подготовки. Кроме того, виртуальная реальность может вызывать некоторые физические или эмоциональные трудности у студентов, такие как укачивание или чувство изоляции [7].

Заключение

Таким образом, современные информационные технологии, такие как мультимедийные ресурсы, дистанционное обучение и виртуальная реальность, играют существенную роль в преподавании и изучении турецкого языка. Они повышают эффективность образовательного процесса, улучшают мотивацию и вовлеченность студентов, и создают более интерактивную и реалистичную обучающую среду. Дальнейшие исследования и разработки в этой области могут привести к еще более инновационным решениям и улучшению качества обучения турецкому языку. Важно продолжать изучение и применение новых технологий с целью улучшения результатов обучения и создания более доступных и эффективных образовательных возможностей для всех студентов, стремящихся овладеть турецким языком и расширить свои горизонты культурного обмена и коммуникации.

Список литературы

1. Шафигуллина Л.Ш., Тенишева С.Р. Использование мультимедийных средств на уроках грамматики турецкого языка в иноязычной аудитории // Тюркологические исследования. 2021. 4(2). С. 42–51.
2. Меметов И.А. Использование мультимедиа при изучении турецкого языка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. №3.
3. Бычкова Е. М. Использование виртуальной реальности в обучении иностранным языкам (на примере *Second life*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. №4(837). С. 80–91.

4. Tuncer C. A. N., Simsek I. The use of 3d virtual learning environments in training foreign language pre-service teachers // *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2015. Т.16. №. 4. С. 114–124.

5. Иванько А. Ф., Бугайчук А. Ю. Социальные сети и Современные методы изучения иностранных языков // *Вестник Московского государственного университета печати*. 2015. № 5. С. 87–90.

6. Kruk M. et al. Prospective teachers experiences in using second life for learning and teaching English // *Teaching English with technology*. 2017. Т. 17. № 1. С. 73–88.

7. Stevens V. Second Life in education and language learning // *TESL-EJ*. 2006. Т. 10. №. 3. С. 1–4.

References

1. Shafigulina L.H., Teneshina S.P. The use multimedia resources in turkish grammar lessons for foreign-speaking audience. *Turkologicheskiye issledovaniya*, 2021, Vol. 4(2), P. 42–51. (in Russ.)

2. Mehmetov I.A. Using multimedia during learning Turkish. *Ychenuie zapiski Kruimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*, 2016. No3. (in Russ.)

3. Bychkova E. M. The use of virtual reality in teaching foreign languages (with reference to Second Life). *Vestnik Moskovskogo gosydatstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2020. No 4 (837). P. 80–91. (in Russ.)

4. Tuncer C. A. N., Simsek I. The use of 3d virtual learning environments in training foreign language pre-service teachers. *Turkish Online Journal of Distance Education*. 2015. Vol. 16. no. 4. P. 114–124. (in Russ.)

5. Ivanko A. F., Buigaychuk A. U. Social networks and Modern methods of learning foreign languages. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati*. 2015. no. 5. P. 87–90. (in Russ.)

6. Kruk M. et al. Prospective teachers experiences in using Second Life for learning and teaching english. *Teaching English with technology*. 2017. Vol. 17. no. 1. P. 73–88.

7. Stevens V. Second Life in education and language learning. *TESL-EJ*. 2006. Vol. 10. no. 3. P. 1–4.

Сведения об авторах: Нафиков Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55), e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Асоров Масудшах Мухимджонович, магистрант Института международных отношений Казанского федерального университета (420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55), e-mail: masudasrorov561@gmail.com

About the authors: Nafikov Ilsur Zakirzanovich, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Altaistics and Sinology of the Institute of International Relations of Kazan Federal University (420008, Kazan, 1/55 Pushkina), e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Asrorov Masudshakh Muchimjonovich, Master's student of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University (420008, Kazan, Pushkin str., 1 / 55), e-mail: masudasrorov561@gmai.com

Дата поступления 01.11.2023

Принят к публикации 01.12.2023

Received November 01, 2023

Accepted for publication December 01, 2023

НАСЛЕДИЕ

ТАТАРЫ В ПУГАЧЁВСКОМ ДВИЖЕНИИ

Р.Р. Фахрутдинов

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
fahrutdinov.rail@mail.ru*

Аннотация. Как известно, в текущем году исполняется 250 лет со дня начала Пугачевского восстания, учитывая данную юбилейную дату в рамках предлагаемой статьи характеризуется участие татар в движении под предводительством Е.И. Пугачева. В памяти народа движение Е. Пугачёва долгие десятилетия оценивалось как эпохальное явление, что наиболее ярко проявилось в устном народном творчестве. Широкое отражение нашли поход Е. Пугачёва по территории Казанской губернии, штурм Казани, героическое участие татарских ополченцев в сражениях атамана. В народных песнях XVIII в. отражена глубокая любовь к Пугачёву, в котором татарские крестьяне и посадские люди видели реального защитника от произвола властей.

Ключевые слова: Е.И. Пугачев, татары, Бахтияр Канкаев.

Для цитирования: Фахрутдинов Р.Р. Татары в Пугачёвском движении. *Тюркологические исследования.* 2023;6(4):52–57.

TATARS IN PUGACHEV'S MOVEMENT

R. Fakhrutdinov

*Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
fahrutdinov.rail@mail.ru*

Abstract. As you know, this year marks the 250th anniversary of the beginning of the Pugachev uprising, given this anniversary date, the proposed article characterizes the participation of Tatars in the movement led by E.I. Pugachev. In the memory of the people the movement of E. Pugachev for many decades was evaluated as an epochal phenomenon, which was most clearly manifested in the oral folk art. The campaign of E. Pugachev's march through the territory of the Kazan province, the storming of Kazan, the heroic participation of Tatar militiamen in the ataman's battles were widely reflected. In folk songs of the XVIII century reflected a deep love for Pugachev, in which the Tatar peasants and people saw a real protector from the arbitrary rule of the authorities.

Keywords: E.I. Pugachev, Tatars, Bakhtiyar Kankaev.

Forcitation: Fakhrutdinov R.R. Tatars in Pugachev's movement. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies.* 2023;6(3):52–57. (In Russ.)

Усиление репрессивных мер и политики христианизации татарского народа в первой половине XVIII в. достигло своего апогея. В этот же период приблизился к кульминации и такой социальный феномен, как институт крепостничества. Именно в этот период имели место такие явления, как насильственная христианизация, продажа крестьян с молотка, разлучение семей и т. д. Все эти факторы усиливали стремление татар к участию в социальных и антиправительственных выступлениях. Особого накала такие выступления достигли в период правления Екатерины II. Одним из наиболее ярких и драматичных социальных потрясений этого времени было восстание под предводительством Е. И. Пугачёва, в котором приняли участие различные социальные слои населения России, а также народы Поволжья и Приуралья, в том числе и татары.

В своё время в советской историографии прочно утвердилась концепция пугачёвского восстания как антифеодальной крестьянской войны, в котором принимали участие нерусские народы России (татары, башкиры, марийцы, мордва и др.) в контексте национально-освободительного движения.

Современная историография рассматривает движение Пугачёва, в том числе, и как последнее в российской истории попытку казачества (которое являлось основной движущей силой восстания) «изменить свой статус с тем, чтобы или заменить собою дворянство, или, по крайней мере, встать с ним вровень» [5, с. 3]. В отличие от социальных движений такого рода более ранних периодов, восстание Пугачёва отличалось наличием чёткой политической программы, которая провозглашала вольности крепостному крестьянству, возврат в старую веру, свободу вероисповеданий, что нашло поддержку в крестьянской среде, в старообрядческом движении, среди многочисленных народов Поволжья и Приуралья. Но при этом важно отметить, что участники выступления преследовали различные цели, которые зачастую взаимоисключали и противоречили друг другу. Так, например, если казачество (и прежде всего его элита) добивалась власти, то крепостное крестьянство участвовало в движении с целью освобождения от крепостничества, а также улучшения своего материального положения (грабежи, разбои). Нерусские же, и прежде всего мусульманские народы (татары и башкиры) активно поддержали Пугачёва и добивались разрешения прежде всего идеологических (свобода вероисповедания), социальных (в движении приняло участие, как правило, беднейшее крестьянство) и политических (отмена политики национальной дискриминации и христианизации) задач. Политика социальной справедливости, равно как национальной и религиозной терпимости, которой придерживался Е. Пугачёв и неоднократно подчёркивавший это в своих воззваниях, явилась одним из определяющих факторов участия татарского населения в данном движении.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что пугачёвское восстание впервые показало серьёзное социальное расслоение татарского общества. Различные социальные слои татар по-разному относились к движению Пугачёва.

Основная масса крестьянства и рядового мусульманского духовенства симпатизировала Пугачёву и его идеям. Среди сторонников движения было также немало представителей татарского мелкого торгового капитала и служилых татар. Представители этих социальных слоёв и принимали активное участие в пугачёвском движении и даже входили в политическое и военное руководство восстания.

Так, полковой старшина Б. Канкаев, являясь ближайшим сподвижником и членом военной коллегии Е. Пугачёва, принимал участие в разработке военных операций и подписывал указы, обращённые к татарскому и башкирскому населению. Большую роль в движении играли старшина М. Мустафин, И. Бахмутов, М. Алиев, Садыков, К. Арсланов.

Вместе с тем татарское дворянство (которое было приравнено в своих правах к русскому дворянству), представители крупного и среднего торгового капитала, а также состоятельное мусульманское духовенство зачастую поддерживали действия и политику правительства. По сообщению Г. Губайдуллина, активную роль в разгроме пугачёвского движения сыграли К. М. Тефкилев, С. Хальфин, И. Юсупов, Г. Муслимов и др. В частности особым доверием правительства пользовался К. М. Тефкилев, который возглавил башкирское войско, воевавшего на стороне царского правительства [3, с. 169].

Летом 1774 года Пугачёв переправился через Каму, и, заняв Елабугу, Мензелинск, Заинск, 11 июля подошёл к Казани, где и расположился лагерем недалеко от Арского поля. Среди горожан началась паника. Городские власти усиленно укрепляли Казань. План укрепления города и его обороны был утверждён самой императрицей Екатериной II. Согласно этому плану, появились дополнительные фортификационные укрепления по берегам р. Казанки и со стороны Арского поля (были укреплены кремль города, а на Арском поле были сооружены редуты). Город был значительно укреплен артиллерией, в частности были установлены артиллерийские батареи. Гарнизон Казани насчитывал более 2000 человек. Оборона города была поручена П. С. Потёмкину (родственнику знаменитого фаворита императрицы). Армия Пугачёва насчитывала около 20 тысяч человек, но по большей части это была плохообученная и невооружённая армия (как вспоминали очевидцы, значительная часть крестьян во время штурма Казани помогала криками). Вот как описывал армию Пугачёва очевидец: «Сами они босые, некоторые надели на себя шторные, шелковые платья женщин [...] орудиями у них были копья, ружья, у некоторых железные вилы, косы, а некоторые просто шест с обожжённым концом, который пристроили вроде копья» [4, с. 439].

Между тем Пугачёв начал подготовку к штурму Казани, и лично осмотрел городские учреждения. Как впоследствии на допросе показывал сподвижник Пугачёва И. С. Аристов, «живущие при городе Казане в татарской слободе татара, через присылаемых к нему приглашает ево идти прямо в Казань, уверяя, что её можно взять без дальней трудности [...] Да на другой день под вечер, приехав из самых состоящих в городе Казане татарских слобод, человек до семидесяти [...] явились к нему, Пугачёву, и принесли ему мёду, сахару и завёрнутые материи». Они посоветовали Пугачёву штурмовать город по «Арской дороге от речки Казанки низом, где никакого укрепления нет, и для въезду место удобное» (ИТДМ, 1937. С. 430).

Штурм города начался 12 июля 1774 г. Наступление пугачёвских войск осуществлялось четырьмя колоннами со стороны Арского поля, вдоль реки Казанки, основные силы Пугачёва наступали со стороны Суконной слободы и вдоль Булака.

Ближайший сподвижник Е. Пугачёва член военной коллегии, полковник Бахтияр Канкаев с трёхтысячным войском обеспечивал безопасность тыла, а также контролировал переправу через Каму и дороги, ведущие к Казани.

К вечеру город был взят. Остатки правительственных войск укрылись в Кремле. Пугачёв освободил из тюрем и острогов около тысячи заключённых, среди которых было немало захваченных ранее повстанцев.

Взятие Казани, как крупного губернского города, вызвало большой резонанс в российском обществе. По мнению историков, данное событие явилось кульминацией восстания. Значимость пугачевского штурма Казани можно проследить по «народному рассказу» о событиях 1774 г., написанному со слов Мухаметзяна Аитова, который услышал его от своего отца: «Время пребывания Пугачёва в Казани старики считали как эпоху [...] когда друг-друга спрашивали, говорили: «Сколько тебе было лет во время Пугачёва» [4, с. 441].

Вечером того же 12 июля к Казани подошёл правительственный отряд полковника И. И. Михельсона и на Арском поле произошло сражение, которое продолжалось более 5 часов. Второе сражение произошло на другой день у с. Царицыно. Несмотря на значительное численное превосходство, Пугачёв потерпел поражение. Сказался приоритет в организации и управлении правительственных войск, а также превосходство в вооружении. Пугачёв потерял более 2 тысяч убитыми и несколько тысяч пленными и почти всю артиллерию. Едва избежав плена, сам Е. Пугачёв переправился через Волгу и ушёл в правобережье Волги, где впоследствии начался новый этап движения.

В памяти народа движение Е. Пугачёва долгие десятилетия оценивалось как эпохальное явление, что наиболее ярко проявилось в устном народном творчестве. Широкое отражение нашли поход Е. Пугачёва по территории Казанской губернии, штурм Казани, героическое участие татарских ополченцев в сражениях атамана. В народных песнях XVIII в. отражена глубокая любовь к Пугачёву, в котором татарские крестьяне и посадские люди видели реального защитника от произвола властей. В одной из таких песен пелось:

*Эх, если бы свидеться с ним,
с царём Пугачёвым самим,
И, прыгнув в седло аргамака,
Лететь бы с ним под ветром степным.*

[2, с. 27].

После поражения Пугачёва под Казанью началась новая волна репрессии против татарских крестьян и руководителей повстанцев. Через особую секретную комиссию, созданную Указом Екатерины II от 18 июля 1774 г., прошло несколько тысяч крестьян – участников восстания. Решением Казанской секретной комиссии подавляющее большинство повстанцев было казнено. Казань была местом массовых казней. По сообщениям очевидцев вешали на Арском поле, в Новотатарской и Суконной слободах. В Казани были казнены многие руководители татарских повстанческих отрядов: О. Енгальчев, А. Сулейманов, А. Бикеев и др. Несколько тысяч крестьян группами были отправлены на каторгу.

По приказу главнокомандующего П. Панина, многие руководители и участники восстания были казнены «смертью: отрублением сперва руки и ноги, а потом головы» [1, с. 190].

Судьба наиболее авторитетных и влиятельных руководителей татар Б. Канкаева, К. Арсланова, И. Бахмутова неизвестна. Возможно, что после пленения Пугачёва и разгрома восстания они смогли уйти в Туркестан. Во вся-

ком случае, на территории Казахстана и Средней Азии в более позднее время татары-пугачёвцы неоднократно встречались. Возможно, что некоторые из них могли оказаться в Крыму и Турции. Во всяком случае, мы располагаем любопытным документом, датированным 12 январем 1775 г. Это копия письма генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева казанскому губернатору П. С. Мещерскому, в котором сообщается следующее: «Посредством переписи маей с генералом-парутчиком Щербининым и, как над маим беспосредственным начальством находится и вторая армия, узнал я из данесений капитана Павлова [...] что 16 ноября прашедшева года *казанские два татарина* (курсив наш. – *Р.Ф.*) прибежали в Тамань и оттуда отправлены с поспешностью к татарскому хану Давлет-Гирею, авещая в тех народах разширающиеся в России успехи бунтовщика Пугачёва [...] 3 другой стараны нахадящейся в Цареграде наш паверенный в делах, г. полковник Петерсон от 22 декабря извещает, что Министерство Порты часто имеет саветы с недавно там абретающимися татарами; и по соображение сих абаих известий, можно падазреть, что упомянутые Петерсоном татаро суть те самые, а каторых писал к мне и г. Щербинин» [4, с. 441].

Список литературы

1. Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачёвском восстании. Казань, 1973.
2. Антология татарской поэзии. Казань: Таткнигоиздат, 1957.
3. Газиз Г. (Губайдуллин Г. С.). История татар / сокр. пер. с татар. С. Г. и А. Х. Губайдуллиных, ред. и предисл. Э. С. Кульпина и Ш. Ф. Мухамедьярова, послесл. В. И. Пантина, указатель имён и географических названий Ю. Э. Кульпиной). М.: Московский лицей, 1994.
4. История Татарии в материалах и документах. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937.
5. Каменский А. Россия в XVIII веке. М.: АСТ-Астрель, 2006.

References

1. Alishiev S. H. Tatarsy Srednego Povolzh'ya v Pugachyovskom vosstanii. Kazan', 1973. (in Russ.)
2. Antologiya tatarskoj poezii. Kazan': Tatknigoizdat, 1957. (in Russ.)
3. Gaziz G. (Gubajdullin G. S.). Istoriya tatar / sokr. per. s tatar. S. G. i A. H. Gubajdullinyh, red. i predisl. E. S. Kul'pina i SH. F. Muhamed'yarova, poslesl. V. I. Pantina, ukazatel' imyon i geograficheskikh nazvanij YU. E. Kul'pinoj). M.: Moskovskij licej, 1994. (in Russ.)
4. Istoriya Tatarii v materialah i dokumentah. M.: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1937. (in Russ.)
5. Kamenskij A. Rossiya v HVIII veke. M.: AST-Astrel', 2006. (in Russ.)

Сведения об авторе: Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений Казанского федерального университета (РФ, Республика Татарстан, Казань, ул. Лево-Булачная 44), e-mail: Fahrutdinov.rail@mail.ru

About the author: Fahrutdinov Rail – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Historical and Social studies education of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University (Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Levo-Bulachnaia 44), e-mail: Fahrutdinov.rail@mail.ru

Дата поступления 10.11.2023
Принят к публикации 11.12.2023

Received November 10, 2023
Accepted for publication December 11, 2023

Дата выхода в свет: 15.01.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16.
Тираж 100 экз. Заказ № 217/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета.
Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008.
Тел.: (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Распространяется бесплатно.

Publication date: 01.15.2024. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16.
The circulation is 100 copies. Order no. 217/12. Printed from a ready-made layout
in the printing house of the Kazan University Publishing House.
Address: 1/37, Professors Nuzhin str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.
Tel.: (843) 206-52-14 (1705), 206-52-14 (1704)

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the publisher.
Free distribution.